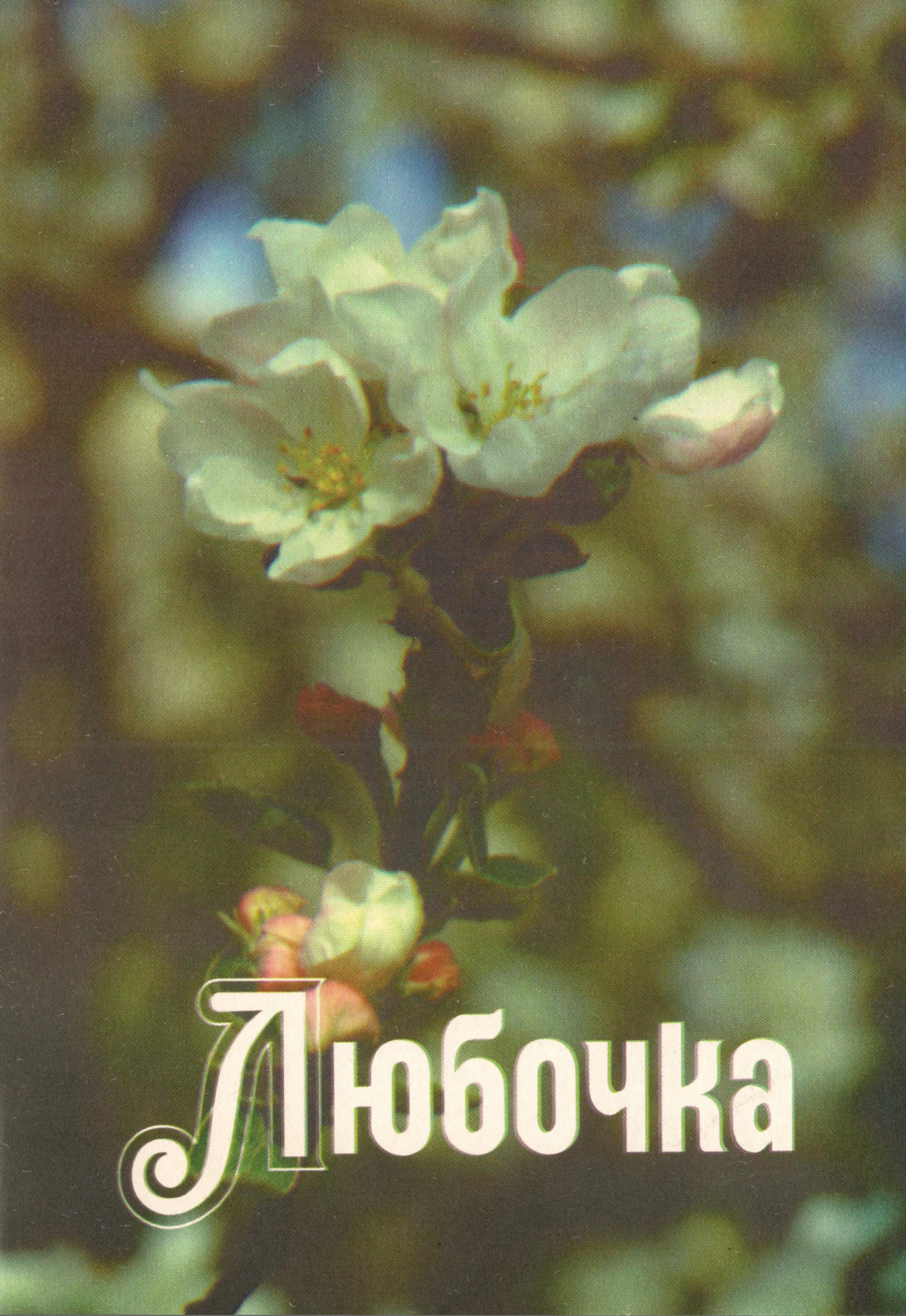

Любочка

Е. Н. Пушков

Любочка

Повесть

Издательство «Христианин» СЦ ЕХБ
1997

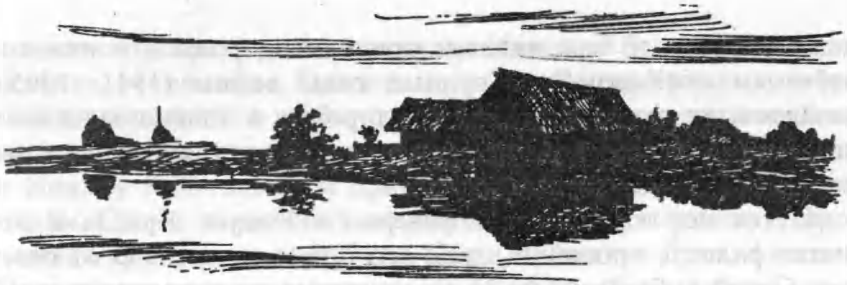
Повесть «Любочка» — это жизнеописание христиан в начале пробуждения братства евангельских христиан-баптистов. Автор показывает, как жили молодые и пожилые верующие, служители и рядовые члены церкви, чем дорожили, к чему стремились, как преодолевали тяготы жизни и переносили гонения со стороны властей.

В повести немало внимания уделено девушке, страдающей от смертельной болезни. Абсолютное доверие Господу помогло ей расстаться с жизнью без сожаления, с живой надеждой на вечное бытие с Богом.

Книга рассчитана на широкий круг читателей и будет особенно полезной для тех, кто присоединился к церкви в период относительной свободы для христиан.

Е. И. Пушкова
ЛЮБОЧКА. Повесть

1997 Издательство «Христианин» СЦ ЕХБ
Отпечатано на пожертвования верующих
Распространяется безвозмездно
Продаже не подлежит



Глава первая

Темная августовская ночь могучей черной птицей нависла над шахтерским поселком. Огромные терриконы слились с темнотой. Ни ветерка, ни звука...

Безмолвна донецкая степь. Только цикады иногда решаются нарушить царящую тишину да одинокий собачий лай, доносясь из крайних дворов поселка, едва поколеблет молчание, и опять тишина. В такую ночь каждый шорох в придорожных кустах вызывает у путника настороженность, и он невольно сдерживает свой шаг, желая остаться незамеченным. От темного безмолвия веет какой-то тайной, и обычно никто не решается нарушить ее. Но вдруг, вопреки всем канонам этой поэмы молчания, звонкое пение разорвало гнетущую тишину ночи и разлетелось по степи красивыми вибрациями могучего тенора, отражаясь подголосками в бесчисленных повторениях эха.

«Кто это?» — как бы спрашивает притихшая степь. В ответ звучит задушевная мелодия христианского гимна:

Вышел я на новую дорогу,
В полутьме тернистый путь лежит,
А вдали, к небесному чертогу,
Огонек живительный горит.

По дороге бодро шагает высокий, крепкого телосложения мужчина. Это житель поселка Михаил Елисейченко. Запоздав на последний автобус, он преодолевает одиннадцатикилометровый путь пешком.

Михаил воспитывался в чтущей Бога семье и рано посвятил свою жизнь на служение Господу. Юность он прожил

целомудренно и был наделен крепким здоровьем и непоколебимым оптимизмом. Трудные годы войны (1941—1945), казалось, не отразились на его здоровье, а только заставили рано полюбить тяжелый труд и познать настоящую цену заработанного хлеба.

С тех пор как Михаил поверил в Иисуса Христа и испытал радость прощения, лицо его прямо-таки сияло от счастья. Своей доброй улыбкой он приводил в удивление соседей и знакомых. Кто-то даже сказал в шутку, что Михаил и спит с улыбкой. И еще он обладал неповторимым голосом. Его звонкий тенор украшал хор общины евангельских христиан-баптистов.

Сегодня сердце Михаила переполняла особенная радость. Ей тесно было внутри, и она вырвалась на волю в мощных звуках гимна, пробуждая уснувшую окрестность.

Дорога шла по краю оврага, за которым, километрах в двух, находился поселок. Потом она пересекала овраг и проходила мимо небольшого озера, берег которого зарос ивами и кустарником. Непрестанно текущий ручей соединял озеро с речкой. Пополнялось оно за счет подземных источников, и вода в нем всегда была удивительно чистой и намного холоднее, чем в реке. Детвора, боясь холодной воды, обходила озеро и купалась в речке, рыболовы же, наоборот, любили это место не столько за количество рыбы, сколько за красоту. Но больше всех этот уголок природы полюбили христиане.

Когда новая волна гонений обрушилась на Церковь Христову, в летние месяцы у озера стала собираться христианская молодежь. Под сводами голубого неба, укрывшись от преследования атеистов, она прославляла здесь Господа. На этом месте многие души вступили в завет с Богом через водное крещение. С большой любовью братья и сестры по вере в Иисуса Христа называли озеро «Донецким Иорданом». Сколько раз при восходе солнца здесь тихо звучал гимн «Не расскажет ручей говорливый» для тех, кто, погружаясь в чистые воды, давал Богу обещание доброй совести и приобщался к церковной жизни, полной тревог и благословений!

Православные, пытаясь отстоять правоту своих обрядов,

в частности крещение младенцев, обвиняли баптистов в принесении новой веры. Однако, согласно Слову Божьему, нового в их вере ничего не было. Баптист — значит крещенный по вере. Сам Христос, будучи взрослым, пришел на Иордан к Иоанну Крестителю и принял от него крещение. Он и ученикам Своим велел сначала научить людей, а потом уверовавших крестить во имя Отца, Сына и Святого Духа. Апостол Петр пишет, что крещение — это обещание Богу доброй совести, а обещание может дать только взрослый, сознательно уверовавший в Иисуса Христа. Ни крестный отец, ни крестная мать не имеют права давать обещание за младенца, так как спасает личная вера в Иисуса Христа. Для спасения необходимо личное покаяние, личное обещание служить Богу.

О «Донецком Иордане» в народе ходили самые невежественные слухи. Одни уверяли, что своими глазами видели, как двое мужчин в белом приносили там в жертву какого-то юношу. Другие смеялись над ним, поясняя, что баптисты никого не приносят в жертву, а через крещение принимают в свое общество новых членов. И хотя многие, видя чистую жизнь баптистов, защищали их от кривотолков и злых нападок атеистов, тем не менее в ночное время предпочитали обходить «Донецкий Иордан» стороной.

* * *

Михаил быстро спускался по тропинке вниз. Он скорее почувствовал, чем увидел, что находится у «Донецкого Иордана», и невольно замедлил шаг. Какими дорогими и родными для него были здесь каждая ива, каждый кустик ракиты! Его взор устремился к небу, пение оборвалось посреди куплета.

Михаил склонился на колени. Далекое небо было так близко его душе, жаждущей общения с Богом!

И утренняя лазурь, и яркое сияние дня, и мирная вечерняя заря одинаково дороги тому, кто духовными очами может созерцать красоту творения. Сколько раз Михаил умилялся этими величественными картинами и восторженно благодарил виновника всей красоты, Творца миров! Сколько сердечных

молитв вознес он, оставаясь наедине с небом, открывая перед Богом самые сокровенные желания!

Небо! Полночное небо! Оно пленяет особой таинственной красотой. В этот момент Михаилу казалось, что оно приблизилось к земле. Его купол, приникнув, особенно ярко заблестел над тем местом, где он проникновенно молился. И ничто не могло помешать душе, отрешенной в этот миг от всего земного, слышать в гармонии небесных светил симфонический гимн небес.

Сколько времени длилось это блаженное состояние, прежде чем уста его произнесли «аминь», Михаил не знал. Над горизонтом показалась полная луна и беззвучно поплыла по небосводу, поднимаясь все выше и выше. Засеребрились тихие воды. Зашептались прибрежные кусты. Повеяло свежестью.

— Господи, какое счастье, что Ты есть! — поднимаясь с колен, прошептал Михаил.

Он еще раз окинул взором небо, полюбовался луной, исполняющей лейтмотив в гимне небесной красоты, и, засмотревшись на сказочное отражение луны в озере, подошел ближе к воде. Тихо журчал ручеек, вытекавший из озера, а плакучая ива, прикрывая его своими ветвями, как будто что-то шептала, едва шевеля листьями.

«Почему я сегодня чувствую особый прилив радости? — спросил себя Михаил и вдруг, точно очнувшись, подстегнутый новой мыслью, по-юношески легко побежал к поселку.— Скорее домой! Надо же сообщить маме и папе радостную весть! Как они обрадуются!»

Глава вторая

Домик стариков Родиных стоял чуть ли не в центре поселка. Они купили его у одного из старожилов, шахтера Потапыча. Дом стоил недорого, так как требовал капитального ремонта и был совершенно не нужен овдовевшему хозяину, которого сын брал на попечение.

Потапыч жил в поселке еще при царской власти и хорошо

знал историю его возникновения. По природе он был добрым, хотя много трудностей пережил за свою долгую жизнь. Великая Отечественная война унесла из жизни его младшего сына, а через две недели после победы, когда вернулся с фронта старший сын, умерла и жена. Отличаясь крепким здоровьем и жизнерадостным нравом, Потапыч совершенно изменился после смерти жены. Ощутив тоску и никчемность дальнейшего существования, он уже подумывал о самоубийстве, и только страх перед загробной неизвестностью сохранил его от этого крайнего шага.

Книг Потапыч читал мало, считая, что жизнь — настоящий университет и может научить всему. Но одну книгу — «Отверженные» В. Гюго — он перечитал несколько раз и хранил ее вместе с молитвенником покойной жены, которая чтила Бога по-православному. Сам Потапыч, можно сказать, не думал серьезно о Боге. Он просто жил, надеясь на свою силу и разум, смело встречая и радость и горе. В церковь он никогда не ходил, но не любил тех, кто насмехался над верующими и опровергал бытие Бога.

Когда супруги Родины пришли к Потапычу покупать дом, то он, не торгуясь, отдал его за предложенную ими цену. Денег у Родиных не хватило, и он согласился год подождать. При этом Потапыч назвал единственное условие — поставить магарыч в тот же вечер, да еще просил не отказать в гостеприимстве, когда одолеет грусть и ему захочется, заглянув в свой старый дом, вспомнить прошлую жизнь. Родины ответили, что гостям они всегда рады, но покупать спиртное не будут.

— Это почему же? — удивился Потапыч.

— Потому что мы верим в Бога, сами вино не пьем и других вводить в грех не желаем,— ответил Родин.

— Неужели и выпить грешно? — погружаясь в раздумье и не ожидая ответа, грустно произнес Потапыч, и у них завязался серьезный разговор о вере в Бога.

Родины пояснили Потапычу, что стараются жить по Евангелию и исполнять заповеди Иисуса Христа.

— Так Христос Сам превратил воду в вино,— заметил он.

— О, если бы кто-то сейчас силой Божьей превратил вот

эту воду в вино,— ответил Родин, показывая на графин,— то такое вино стоило бы попробовать! Но зелье, от которого рушатся семьи и гибнут люди, я никогда не соглашусь пить! Мы, христиане,— продолжал он,— воду пьем и радуемся, а кто вино пьет, кроме головной боли и душевных терзаний, ничего не испытывает.

Далее Родин пояснил, что в Евангелии есть прямое повеление не упиваться вином и заверение, что пьяницы Царства Божьего не наследуют.

Некоторое время Потапыч молчал, потом разоткровенничался и рассказал, что в юности бывал на собрании штундистов, где говорили то же самое. Он подумывал даже о том, чтобы изучить Библию, покаяться в грехах и начать жизнь по учению Иисуса Христа, но вышло все иначе. Он полюбил девушку, которая так пленила его своей красотой, что от благочестивых намерений не осталось и следа. Вдобавок ко всему сельский священник убедил его, что штундисты — это вредная еретическая секта, а православные — настоящие христиане. Однако после венчания Потапыча с сельской красавицей батюшка и его приближенные так напились, что он невольно подумал: «Истинные христиане, вероятно, должны жить по-другому...»

Жизнь затянула Потапыча в свой водоворот. У него не было времени думать о чем-то другом, кроме добывания насущного хлеба. Несколько лет спустя у Потапыча еще раз появилось желание посетить штундистов. Он пошел к знакомому пресвитеру, но, к великому удивлению, узнал, что его вместе с семьей выслали в Сибирь. Потом Потапыч с женой и малолетним сыном переселился в другую деревню, построил дом и жил нельзя сказать, что хорошо, но сносно. Все, напоминавшее о штундистах, со временем выветрилось и из сердца, и из разума. Деревня, в которую они переехали, постепенно разрослась, а с открытием шахт и постройкой завода превратилась в большой рабочий поселок. Здесь Потапыч и прожил остальную часть жизни как раз в том доме, который продавал Родиным.

— Вот такие-то дела,— тяжело вздохнув, закончил свой

рассказ Потапыч и встал с дивана.— Теперь у меня не осталось ничего. Пойду к сыну доживать свой век...

Он подошел к книжной полке, достал любимую книгу «Отверженные», положил на свою большую ладонь и стал осторожно листать.

— Я все думаю,— опять заговорил Потапыч,— какие вещи взять с собой. Наверное, возьму только вот эту книгу да молитвенник покойной жены. Сын говорит, чтобы я ничего не брал, у него все есть. Живет он богато. Работал шахтером, потом, закончив институт, выбился в начальники, вступил в партию; детей у них нет, живут с женой в свое удовольствие, не думая о старости. Правильно вот здесь написано,— Потапыч ткнул пальцем в книгу,— что молодость стремится к свету и счастью, а старость неизменно идет к своему концу. Я тоже искал свет и счастье, а найду, чувствуется, лишь свой конец. Теперь ни цели, ни надежды, да и жизни-то уже нет, потому что, пока человек живет, он надеется, а пока надеется — живет. Отними у человека надежду, и жизнь его становится безынтересной и ненужной.

Притихли Родины, слушая исповедь Потапыча. Они и не ожидали, что его душа раскроется перед ними. Родина даже смахнула украдкой слезу: уж очень жалко стало ей этого одинокого старца, а в его лице она жалела всех, кто в этом мире доживал свои безрадостные дни без Бога.

— Если бы вы верили в Иисуса Христа, спасшего нас от смерти,— прервал Родин молчание,— то я бы предложил вам встать вместе со мной на колени и покаяться перед Господом, и тогда вы обрели бы цель жизни.

— Да вы что, тоже штундисты?! — удивленно воскликнул Потапыч.

— Мы не штундисты, а баптисты, хотя это почти одно и то же,— ответил Родин.— Дело не в названии, а в вере. «Веруй в Господа Иисуса Христа и спасешься» — так гласит Библия.

— Э, брат, ты далеко хватил! — нараспев произнес Потапыч.

Лицо его вновь приняло безжизненное выражение, судя

по которому могло сложиться совершенно неправильное представление об этом, много пережившем, добром человеке.

— Значит, магарыча не будет? — спросил он еще раз.— Ну, как знаете... Завтра можете переселяться. Все, что здесь вам подойдет, можете считать своим. Только книги я заберу с собой. Документы оформим после. Оставляю вам ключи, а сам пойду к сыну. Не поминайте лихом!

Потапыч медленно пошел к выходу. На пороге он остановился, повернулся к Родиным и низко поклонился по старинному русскому обычаю. Глаза его увлажнились. Он еще раз окинул грустным взором дом, дрожащей рукой надел кепку и вышел.

Долго Родины молчали. Их мысли унеслись вслед за Потапычем.

— Давай помолимся за него Господу,— предложил наконец Родин.

Они преклонили колени и долго взывали к Богу, чтобы Его чудный свет проник в сердце несчастного старца и озарил его лучами веры, надежды и любви.

На следующий день Родины переселились в купленный дом. Ремонт решили сделать позднее, как соберутся с силами. Так и потекла в новом доме жизнь, полная радостей и печалей.

В поселке была небольшая группа верующих. На собрание они ездили в районный центр, где и состояли членами церкви. Трудно было в то время воспитывать детей по учению Иисуса Христа. Официальное руководство общины было сильно напугано разгулом репрессий. Водить на собрание детей не разрешали. Атеисты настраивали жителей поселка против верующих, обвиняя их и в связях с немцами во время оккупации, и в сотрудничестве с Америкой. Ходили даже слухи, что верующие — настоящие изуверы и занимаются тяжкими грехами. Каждый, враждебно настроенный против верующих, мог безнаказанно обвинять их в чем угодно.

Потапыч часто навещал Родиных. Он приглядывался к их жизни, беседовал, щедро наделял детей гостинцами. Дети полюбили этого сурового на вид, но доброго старца и вместе

с родителями молились о нем. А Потапыч, казалось, не проявлял никакого интереса к вере в Бога, оставаясь загадкой как для Родиных, так и для многих жителей поселка. Трудно было по его жизни определить, куда его больше клонило: к Богу или к безбожию, но Родины продолжали прилежно молиться о его покаянии.

Дети Родиных подрастали. Старшие сыновья уже начали самостоятельную жизнь, очень похожую на жизнь окружающих людей, довольствуясь лишь тайной верой в Бога. Это заставляло стареющих родителей глубоко скорбеть и еще усерднее молиться о них. Единственно, кто всегда радовал их, это дочь Надя.

Обратившись к Господу, Надя хотела посвятить Ему всю свою жизнь и несколько раз говорила церкви о своем желании принять водное крещение, но совет общины, получив от власть имущих строгий запрет, отказал ей. (Преподавать крещение не достигшим восемнадцати лет было запрещено, а крещение тех, кому меньше тридцати, нужно было свести до минимума.) Тогда Надя со слезами обратилась к недавно рукоположенному молодому служителю Якову Романовичу Буденкову, помощнику пресвитера, и поведала ему о своем сокровенном желании — посвятить юность Иисусу. Яков Романович глубоко любил Господа и больше боялся нарушить Его волю, чем ослушаться нечестивых повелений атеистических диктаторов. Он тайно преподал Наде крещение в «Донецком Иордане». Только несколько братьев и сестер присутствовали при крещении. Они тихо спели гимн «Не расскажет ручей говорливый» и скромно поздравили Надю. А ее сердце ликовало от безмерного счастья. Свою судьбу она навсегда соединила с Иисусом.

В девятнадцать лет Надя вышла замуж за Михаила Елисейченко. После бракосочетания они стали жить отдельно от родителей, но когда у них было уже трое детей, Родины, видя их трудности, отделили на самостоятельную жизнь своих сыновей, а Надежду пригласили в свой дом.

Познакомившись с Михаилом, Потапыч полюбил его за простоту и жизнерадостность и часто повторял, что он в мо-

лодости был сильно похож на него. Чем больше Потапыч старел, тем сильнее его влекло в дом Родиных, где он вспоминал свое прошлое и слышал слова вечной жизни.

Глава третья

Михаил быстрым шагом приближался к дому. На улице ни души. Спит рабочий поселок. Минуя главный вход в дом, он подошел к кухне, где жили Родины, предоставив Михаилу с Надеждой и детьми три довольно светлые комнаты. Не успел он взяться за ручку, как дверь отворилась. На пороге стояла мать Надежды. Михаил любил ее, как родную, и никогда не называл тещей.

— Это ты, Миша? Пришел? Слава Богу! — ласково заговорила старушка, пропуская зятя, которого, впрочем, любила больше своих сыновей.— А мы еще и не ложились. Помолились, почитали Слово Божье, тебя с нетерпением ждем. Я на каждый шорох выхожу, все думаю, что ты идешь. Ну, говори, говори скорее, что с Надей? Кто родился?

Михаил переступил порог и радостным взглядом окинул застывших в ожидании родителей. «Как быстро они начали стареть!» — промелькнуло в его сознании. Не говоря ни слова, он крепко прижал к себе отца и мать и поцеловал их сыновним поцелуем.

— Слава Богу за Его милости к нам! — все еще держа старичков в объятиях, заговорил Михаил.— Все благополучно. Господь послал нам большую радость. Вам Он подарил внучку, а нам — дочку, о которой мы давно молились Богу. Назовем ее Любочкой. Пусть Любовь будет олицетворением нашей, хоть и трудной, но счастливой жизни и верности друг другу!..

Их не нужно было приглашать к молитве. Колени сами склонились, исполняя желание трех сердец, бьющихся единым пульсом любви к вечному, вездесущему и всемогущему Владыке жизни.

После молитвы Михаил со всеми подробностями расска-

зал, как видел через окно новорожденную. Два часа простоял он под окном, дожидаясь, когда детей принесут на кормление, чтобы взглянуть на свою дочурку. Надежда переживала, что муж опоздает на последний автобус, и передала записку, чтобы он шел домой, но Михаил продолжал стоять. И дождался! Няня, по просьбе Надежды, поднесла крошку к окну. Михаил, можно сказать, все равно ничего не рассмотрел в сумерках, к тому же палата находилась на втором этаже, но остался доволен тем, что увидел сверток, в котором лежала его дочь. Он мысленно видел Любочку уже дома в детской кроватке, видел, как она делает первые шаги, и даже представлял, как взрослая дочь будет идти под руку с ним, стареющим отцом.

На последний автобус Михаил, конечно, опоздал, но воспринял это совершенно спокойно, так как ему хотелось побыть наедине. Одно только смущало его, что родители будут переживать, не дождавшись его с автобуса.

— А вес-то какой? — спросила Родина, когда Михаил закончил свой рассказ.

— Четыре килограмма сто грамм, а рост — пятьдесят два сантиметра!

— Слава Богу! — вступил в разговор молчавший до сих пор Родин.— Ты бы покормила его, небось совсем голодный. Такую даль пешком шел! — обратился он к жене.

— Ой, Миша, ты уж прости, я совсем забыла! — засуетилась Родина.

— Не беспокойтесь, мама! — остановил ее Михаил.— У меня такая радость на сердце, что о пище и думать не хочется. Жаль, что на работу уже скоро идти! Я хоть часика на два прилягу, а то боюсь, что смену не выстою.

— Иди, иди отдохни, Миша. Я тебя разбужу, не беспокойся. Постель там готова,— приговаривала Родина, провожая Михаила.

Из кухни дверь выходила в комнату, где спали мальчики. Здесь стоял оставленный еще Потапычем старинный диван, на котором и разместились три сына Михаила. Спали они поперек дивана, а под ноги им подставляли лавку, потому

что старшему это ложе было уже коротковато.

Светало. Утренняя свежесть проникала в дом через раскрытое окно. Михаил подошел к спящим сыновьям, укрыл потеплее младшего, поцеловал его. «Семья растет,— подумал он.— Куда же Любочкину кроватку поставить?.. Ладно, утро вечера мудренее...» Коротко помолившись у постели сыновей, Михаил пошел в свою спальню.

Заснул он не сразу. В памяти всплыли картины юности, когда он, приехав на работу из Сумской области, впервые посетил собрание в этих местах. «Как там мама живет? — подумал он.— Старенькая уже... Трудные годы выпали на ее долю. Она говорила, что нам будет еще труднее, потому что неверие проникнет в народ Божий и беззаконие умножится. Но церковь должна сохранить чистоту и верность, она неподвластна вратам ада, хотя они и пытаются одолеть ее. Господи, удостой быть в числе тех, кого Ты возьмешь от земли!..»

Потом Михаилу вспомнилась первая встреча с Надеждой. В то время она пела в хоре. У него не было обычая засматриваться на сестер, о женитьбе он пока не думал: ждал, что после двух лет отсрочки вот-вот возьмут в армию. Но в тот раз, впервые посетив местную общину, он внимательно рассматривал хористов, потому что ему очень понравилось пение псалмов Давида, которых он никогда не слышал. В хоре Михаилу особо понравился мощный бас и прекрасное сопрано, тенора показались слабыми. После собрания некоторые хористы подходили к Михаилу, интересовались, откуда он прибыл и надолго ли. Все оживились, узнав, что он будет работать в их местности.

— А вы поете? — неожиданно спросила одна из сестер.

Михаил повернулся в сторону спрашивающей. На него смотрели приветливые, добрые глаза. Это была Надя. Какого цвета были у нее глаза, он тогда не заметил. Запомнил только, что голубая косынка, покрывавшая голову Нади, придавала ее лицу какое-то безжизненно-болезненное выражение. Очевидно, она мало интересовалась, какой цвет косынки ей к лицу.

— Может, вы нам что-нибудь споете? — спросила Надя.

Михаил смущенно улыбнулся. Немного подумав, он решил

спеть любимый гимн на украинском языке «Скорбне серце». Регент, с интересом прислушивающийся к разговору, оживился и предложил себя в аккомпаниаторы. Михаил от природы обладал поставленным голосом и, самостоятельно изучив теорию музыки, хорошо знал тональности почти всех гимнов, которые пел.

Он смущался обычно только до первой ноты, а после его как будто кто-то подменял. Забывая о своем существовании, Михаил превращался во вдохновенного певца.

Регент проиграл вступление к гимну в тональности ре минор, но Михаил попросил аккомпанировать в соль миноре.

— Да ты что, брат! — добродушно улыбнулся регент.— Не собираешься ли ты взять верхнее *ля*?

Михаил еще больше смутился и серьезно ответил, что для него эта тональность самая удобная. Регент перестал улыбаться. «Господи! — затаил он дыхание.— Неужели Ты ответил на наши молитвы и у нас в хоре будет высокий тенор?»

Зазвучал гимн. Полилась волнующая душу мелодия. Она выражала глубину страданий христианина, уставшего в тяжелой земной борьбе. В скорбных теноровых переливах слышалась тоска по прекрасной небесной Родине. Хористы замерли. Удивительные звуки проникали в самую душу и заставляли звучать струны сердечной арфы. Глубоко чувствуя содержание гимна, братья и сестры пели вместе с Михаилом, пели не открывая уст, не издавая ни единого звука, пели сердцем.

Скорбный запев в середине куплета сменился твердыми аккордами параллельного мажора. Казалось, и композитор, и поэт, и певец, и аккомпаниатор — все вместе призывали слушателей противостать земным скорбям твердой верой в небесные обетования. И опять модуляция в минор. Певец усилил звук. Вот он вздохнул полной грудью, глаза его устремились ввысь, огромное крещендо, и серебристое верхнее *ля*, словно желая пробить все преграды, кристально чистым звоном понеслось ввысь. Пауза... И, как ответ с неба, мягким лиризмом прозвучали слова: «В небі радість і щастя нас ждуть».

Не пришлось Михаилу петь второй и третий куплеты. Закрыв лицо руками, престарелый регент склонился над клавиа-

турой фисгармонии. Плечи его вздрагивали. В последних рядах кто-то молился вслух. Это была Надежда.

— Господи! — плакала она.— Слава Тебе за то, что есть еще молодые сердца, которые не преклонились перед Ваалом и служат Тебе! Благодарность Тебе, Боже, за ответ на наши молитвы!..

Скоро Михаила приняли в члены местной церкви и в хор. В армию его так и не взяли из-за плохого зрения.

Когда Михаил понял, что ему придется жить и трудиться вдали от родных, он решил жениться и попросил пресвитера помочь ему в выборе спутницы. Но пресвитер сказал, что все сестры любят Господа, все по-своему хороши, поэтому пусть Бог Сам укажет ему избранницу. Михаил стал молиться об этом Господу. Его мысли склонялись то к одной сестре, то к другой. Он уже хотел сделать предложение сестре, пение которой запомнилось с первого посещения собрания. Но в эту же ночь ему приснилось, будто идет он вдоль лесополосы и спрашивает: «Господи, кто же будет моей спутницей жизни?» И тут раздался голос: «Вот эта сестра». Совершенно ясно Михаил увидел, как на дорогу, улыбаясь, вышла Надежда. Проснувшись, он встал на колени и поблагодарил Господа за ответ на молитву.

За восемь с половиной лет жизни с Надеждой Михаил ни разу не усомнился в том, что ответ был именно от Господа.

Постепенно воспоминания становились расплывчатыми, то теряясь в памяти, то вновь возникая. Вот он ясно увидел новорожденную Любочку. Легкая улыбка тронула губы Михаила, глаза закрылись, и крепкий сон прервал воспоминания.

Глава четвертая

Первые лучи восходящего солнца, пробуждая природу, заиграли на верхушках деревьев нежно-розовыми бликами. Земля словно поднималась из сказочных вод розового моря, сбросив с себя ночное покрывало. Весело перекликались петухи, возвещая о наступлении нового дня. Защебетали воробьи,

зашептались пирамидальные тополя, высоко вздымая вершины. Все ожило. Только черные терриконы, как мертвые истуканы, по-прежнему безмолвствовали.

Михаил легким движением сбросил одеяло и сел на кровати, потом взглянул на часы и, быстро одевшись, вышел в кухню.

— Мама, что же вы меня не будите? — обратился он к хлопотавшей у плиты теще.— Так и проспать можно, ведь уже седьмой час!

— Да я уже два раза подходила к тебе, Миша! — отозвалась она.— Ты так сладко спал! Думаю, пусть хоть десять минут еще поспит. Уморился небось. У меня завтрак готов, умывайся. Там я тебе водички согрела.

— Да нет, мама, теплой не надо, я лучше холодной умоюсь,— отказался Михаил.

Он умылся водой из колодца и, вернувшись в свою спальню, взял в руки Библию и коротко помолился:

— Боже, благослови чтение Слова Твоего на этот день. Приготовь мое сердце к восприятию всего, что Ты будешь говорить, и помоги исполнить его в жизни своей. Аминь.

Как он дорожил Библией — этим бесценным сокровищем! Купив ее у букиниста за высокую цену, он читал ежедневно, предпочитая утренние часы. Некоторые верующие говорили, что утром у них нет времени для чтения Слова Божьего и что читать можно и вечером. Но Михаил утверждал, что сражаться с неверием приходится ежедневно, а воин без меча представляет жалкое зрелище, он неспособен наступать на врага. Читать на ночь без утреннего размышления над Словом Божьим равносильно размахиванию мечом, когда сражение уже закончилось.

Не меньше раза в год Михаил прочитывал Библию, каждый день заучивая «золотой стих». Утреннему чтению и молитве он уделял обычно один час. Сегодня, проснувшись позднее обычного, он открыл 22 Псалом и скорее повторял в уме, чем читал чудные слова: «Господь — Пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться: Он покоит меня на злачных пажитях и водит меня к водам тихим...»

Для Михаила «золотыми» стали не только отдельные стихи Библии, но и целые главы. «Если бы я мог,— часто мечтал он,— то выучил бы наизусть всю Библию, ведь она вся "золотая". Да что там золото! Она дороже всех земных сокровищ, потому что это слово Самого Бога!»

Потом Михаил преклонил колени для молитвы. Слова прочитанного псалма утешали его. Он благодарил Господа за водительство, за охрану жизни, за то, что Он некогда нашел его, как заблудившуюся овечку, и взял в Свои руки. Какое счастье иметь такого Доброго Пастыря! С Ним не страшно идти долиной смертной тени! Погрузившись в молитву, Михаил совсем забыл, что его ждет завтрак, завод, кузница...

Заждавшись Михаила, Родина вошла в комнату и остановилась, боясь помешать его молитве. Лишь когда он поднялся с колен, она заговорила:

— Миша, ты опять не успеешь позавтракать. Иди скорее, все готово!

За столом Родина рассказала Михаилу, что вчера на вечернее собрание, которое было в их доме, опять приходили представители власти с участковым милиционером и снова составили акт.

— Никак не оставят нас в покое,— вздохнула она.— Снова начнутся угрозы, штрафы...

Михаил тоже глубоко вздохнул и встал из-за стола.

— Не смущайся, мама! Так нам суждено. Помнишь, как Апостол Павел сказал: «Вам дано ради Христа не только веровать в Него, но и страдать за Него»? Почему же вы ночью не сказали мне об этом?

— Не хотелось твою радость омрачать, сынок.

— Мама, Господь ведь учит нас радоваться и тогда, когда выпадает честь пострадать за Него! Не унывайте!

— Да я не унываю, Миша. Только вот семья растет, ты взял план, хочешь строиться, а денег нет. Тебя часто премии лишают, штрафуют. Мы тоже не можем помочь, едва сводим концы с концами. Теперь вот опять два месяца будут высчитывать половину пенсии...

— Ничего, мама, Бог все усмотрит и не оставит нас без

хлеба насущного. Давайте поблагодарим Господа за пищу!

По дороге на работу Михаил думал о сказанном матерью. «Значит, не отступают атеисты. Решили беспощадно штрафовать, не жалея ни старцев, ни детей, даже судом угрожают некоторым братьям...»

На память Михаилу пришла молитва Иосафата, царя Иудейского, который вместе с народом просил помощи у Господа: «Боже наш! Ты суди их. Ибо нет в нас силы против множества сего великого, пришедшего на нас, и мы не знаем, что делать; но к Тебе очи наши!» С этими мыслями Михаил подошел к проходной и, машинально предъявив пропуск, направился к своей кузнице. В его сердце царил мир.

Да, поистине, «блажен народ, у которого Господь есть Бог»!

Глава пятая

Трудный путь прошло евангельско-баптистское братство в России, скитаясь по тюрьмам и ссылкам, терпя поношение и скорбь. Один христианский поэт писал:

О братство святое, повсюду гонимое,
Идущее скорбной, тернистой тропой,
Пусть ты не прославлено звонкими гимнами
И не удостоено славы людской,

Но в небо ты входишь воротами тесными
Под звон монотонный цепей, кандалов.
Еще потрудись, о Невеста небесная,
Тебя в небе встретит Сам Царь всех миров!

Меняются времена, один общественный строй сменяется другим, только неизменными остаются слова Христа: «Если Меня гнали, будут гнать и вас». Апостол Павел также подтверждает: «Да и все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы».

Трудно сказать, какой из пройденных этапов был самым тяжелым и ответственным. После 1917 года в России была некоторая свобода для проповеди Евангелия. Организованный «Союз воинствующих безбожников» под руководством

Е. Ярославского не имел силы. Тщательно подготовленные диспуты довольно часто заканчивались не в пользу атеистов. В эти годы многие порывали с неверием, с утратившим духовную силу православием и становились в ряды истинных поклонников Божьих.

Декрет об отделении церкви от государства провозглашал: «Каждый гражданин может исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. Всякие праволишения, связанные с исповеданием какой бы то ни было веры или неисповеданием никакой веры, отменяются». Граждане могли обучать и обучаться религии частным образом.

Конституция 1924 года разрешала как антирелигиозную, так и религиозную пропаганду. Но это длилось совсем недолго. Видя успех проповеди Евангелия, атеисты стали прибегать к репрессиям. В 1929 году появилось постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях», четвертый пункт которого разрешал деятельность только зарегистрированных в органах власти религиозных обществ. Чтобы получить или сохранить имевшуюся регистрацию, религиозное общество должно было пообещать исполнять все пункты данного постановления. Тех, кто отказывался, правительственные органы не регистрировали и объявляли идущими против Советской власти. Исполнение же постановления для верующих было равносильно измене учению Иисуса Христа.

В постановлении «О религиозных объединениях» было, например, такое требование:

«Религиозным объединениям запрещается: а) создавать кассы взаимопомощи; б) оказывать материальную поддержку своим членам; в) организовывать как специальные детские, юношеские, женские, молитвенные и другие собрания, так и общие библейские, литературные, рукодельческие, трудовые, по обучению религии и т. п. собрания, группы, кружки, отделы, а также устраивать экскурсии и детские площадки, открывать библиотеки и читальни, организовывать санатории и лечебную помощь».

В 19 пункте было еще одно запрещение, противоречащее повелению Иисуса Христа проповедовать Евангелие всем

народам. Здесь провозглашалось: «Район деятельности служителей культа, религиозных проповедников, наставников и т. п. ограничивается местожительством членов обслуживаемого ими религиозного объединения и местонахождением соответствующего молитвенного помещения».

Русское братство евангельских христиан-баптистов было поставлено в крайне трудные условия: или стать противником Богу и лишиться жизни вечной, соблюдая безбожные циркуляры, или же воспротивиться кесарю, то есть власти, соблюдая заповеди Божьи, и начать скитание по ссылкам и тюрьмам. Кесарь посягнул на то, что принадлежало только Богу. И тогда немногие верные служители Божьи решили повиноваться больше Богу, нежели человекам, и загремели кандалы по сибирским дорогам...

Сталинская конституция давала атеистам полную свободу пропагандировать свои убеждения всеми средствами, а верующим предоставлялась возможность лишь исповедовать религию согласно тому же постановлению «О религиозных объединениях». Даже слово «исповедовать», которое, согласно толковому словарю, значит «откровенно сообщать», толковалось атеистами превратно. Под этим словом они подразумевали лишь ритуально-схоластическое* отправление религиозных культов в определенные часы, в отведенных для этой цели специальных помещениях. Всякое свидетельство о Христе в других местах расценивалось как религиозная пропаганда и преследовалось по закону.

В предвоенные и военные годы (1937—1945) общины евангельско-баптистского братства, особенно в центральной России, были частью уничтожены, частью загнаны в подполье. Страх перед кровавыми репрессиями заставил многих христиан скрывать свою веру в Иисуса Христа. Многие истинные поклонники Господа были лишены жизни, но вера не угасла, верные Богу люди все же пронесли ее через годы жесточайшего террора.

В 1944 году, когда назрела крайняя необходимость откры-

* Оторванное от жизни, искусственное, чисто формальное.

тия Второго фронта, главы правительств США и Великобритании указали Сталину на факты бесчеловечного издевательства над невинными христианами. Чтобы как-то скрыть свои действия, Сталин дал согласие на открытие Союза евангельских христиан-баптистов.

Некоторые братья, находящиеся в тюрьмах и лагерях, согласились руководить новым евангельско-баптистским Союзом. Атеисты освободили их и сформировали из них ВСЕХБ. Каждая кандидатура во ВСЕХБ и даже в руководство местной общиной подвергалась тщательной фильтровке и обработке в атеистических органах, которые стали действовать через систему уполномоченных по делам религий. Безбожное положение «О религиозных объединениях» от 1929 года, из-за непринятия которого тысячи христиан были лишены свободы и жизни, теперь принималось к исполнению новыми руководителями ВСЕХБ. Они рассудили, что лучше хоть как-то исповедовать Христа, чем никак.

Постепенно евангельско-баптистское братство стало представлять собой как бы две большие группировки: зарегистрированные и незарегистрированные церкви, хотя догматического расхождения между ними не было. После смерти Сталина (1953 г.) вернулись из тюрем некоторые братья и сестры, но большинство из репрессированных отошли в вечность.

Один христианский поэт писал об этом времени так:

Кто сказал: «Побеждать легко!»,
Будто все достается даром?!
Сколько братьев-борцов легло
И сестер, молодых и старых!

К праху их не найти стезей
Средь тайги и хребтов Урала,
И на холмик рука друзей
Не положит букет фиалок...

Вернувшиеся из уз служители вновь стали созидать общины и открывать христианам сущность ВСЕХБ. В церквах появилась молодежь, что сильно обеспокоило атеистов. Действуя через ВСЕХБ и старших пресвитеров, они начали закрывать те молитвенные дома, где не соблюдалось положение

«О религиозных объединениях» или, как его стали называть, «Положение о культах».

В 1960 году атеисты принудили руководителей ВСЕХБ разработать и разослать по церквам так называемое «Инструктивное письмо», которое предписывало старшим пресвитерам наблюдать за строгим исполнением «Положения о культах». Это письмо было главной причиной выхода из ВСЕХБ многих церквей и отдельных групп верующих, видевших в нем прямое предательство дела Божьего. Этот документ исходил не от врагов Божьих, хотя они косвенно приложили к нему руку, а от руководителей ВСЕХБ, которые не воспротивились атеистическому насилию, боясь новых страданий.

Искренне любящие Господа христиане не могли согласиться исполнять предписания безбожников, посягающих на их верность Богу. В частности, в «Инструктивном письме ВСЕХБ старшим пресвитерам» говорилось:

«Старший пресвитер должен твердо знать и помнить, что главной задачей богослужений в настоящее время является не привлечение новых членов...

На обязанности старшего пресвитера лежит сдерживание нездоровых миссионерских проявлений...

Старший пресвитер также должен помнить, что в его задачи входит и борьба с неправильными взглядами... наших братьев и сестер по вере на искусство, литературу, радио, телевидение и прочие виды культуры...

Среди верующих должны решительно изживаться встречающиеся еще узкие взгляды на искусство, литературу, кино, радио, телевидение...

Пресвитер общины должен быть... служителем церкви, ведущим свою работу согласно положению ВСЕХБ, строго соблюдать советское законодательство о культах.

Каждый пресвитер является служителем только своей общины и не должен вести никакой духовной работы за ее пределами, а также не должен допускать подобной деятельности со стороны членов общины...

Пресвитер не должен допускать уклонения в богослужениях в сторону призывов к поспешному вовлечению новых

членов, а также устройства концертных хоровых выступлений, применения оркестра, декламации стихотворений и прочих форм служения, не предусмотренных положением ВСЕХБ...

Исполнительный орган наблюдает за порядком богослужений своих общин, не допуская никаких нарушений положения ВСЕХБ и советского законодательства о культах...

С погоней за количеством членов в наших общинах должно быть решительно покончено... стараясь свести крещение молодежи в возрасте от 18 до 30 лет к самому минимальному количеству... От лиц, учащихся или находящихся на военной службе, не должны вообще приниматься заявления о вступлении в члены общины...

Крещение на открытом воздухе должно совершаться только... с ведома органов советской власти...

Дети дошкольного и школьного возраста, как правило, на богослужебные собрания допускаться не должны...

В прошлом, при недостаточном учете советского законодательства о культах, в некоторых общинах происходило нарушение его: бывали случаи крещения лиц моложе 18 лет; оказывалась материальная поддержка из средств общины; устраивались библейские и другие, специального характера, собрания... Допускалось декламирование стихотворений, бывали экскурсии верующей молодежи... устраивались собрания для проповедников и обучение регентов; пресвитеры обслуживали другие общины; хоры также совершали поездки в другие общины; допускались до проповеди проповедники из других общин... и бывали другие нарушения советского законодательства о культах. Все это теперь необходимо изжить и деятельность общин привести в согласие с действующим законодательством о культах...»

Комментарии, как говорится, излишни. Данный документ, раскрывая сущность ВСЕХБ, свидетельствовал о неразрывной связи Союза с органами власти.

Глава шестая

Мирная жизнь церкви, где Михаил и Надежда состояли членами, нарушилась внезапно. Казалось, все радовались большому притоку молодежи и детей, которые стали активно участвовать в богослужениях, прославляя Господа стихами и пением.

На праздник Пасхи, когда дошкольники рассказали несколько стихотворений о воскресшем Христе, а потом звонко запели гимн «У Иерусалимских гор пел Иисусу детский хор», Дух Божий буквально расплавил сердца слушателей. Некоторые каялись в том, что не дали своим детям возможности воспеть хвалу Богу. Один старец, вернувшийся из долгого скитания по тюрьмам за верность Господу, рыдал, как младенец. Его молитва выражала безмерную благодарность исстрадавшейся души.

— Господи Боже! — молился он.— Чудеса Твои вижу я своими очами! Прости меня, что допускал сомнение в возрождении церкви в нашей стране. Мне думалось, что вместе с поколением, брошенным в тюрьмы, прекратится и евангельская весть. Но Ты, Господи, соблюл многих, которые не преклонились перед неверием. Благодарю Тебя за то, что уста детей могут петь хвалу Христу. Они и должны петь хвалу Тебе, дорогой Искупитель, ибо Ты достоин хвалы и славы, вечный Бог, Отец, Сын и Дух Святой. Аминь!

В конце собрания Яков Романович Буденков призвал к покаянию тех, кто еще никогда не молился Господу:

— Да воскреснет из мертвых всякий, слушающий сегодня Слово Божье! Придите ко Христу, дорогие друзья! Он примет вас, если вы уверуете в Него всем сердцем. Он умер за вас и воскрес для вашего оправдания. Кто хочет отдать свое сердце Иисусу, пройдите вперед, попросите прощения у Господа, и Он помилует вас!

В зале воцарилась тишина. Здесь было много слушателей, пришедших на праздник Пасхи просто ради любопытства. Они с интересом слушали Слово Божье, но покаяться для них было трудным делом. Началась напряженная борьба между добром и злом. Эта борьба обычно происходит в каждой не прими-

ренной с Богом душе. Грешник должен приложить огромное усилие, чтобы вырваться из объятий греха и неверия.

Почувствовав реальность бытия Бога, душа рвется к Нему, но в это время собственное сознание обычно начинает противоречить. Как будто кто-то посторонний начинает диктовать разуму: «Ну и что из того, что есть Бог? Ты же вполне порядочный человек, нисколько не хуже других. Зачем тебе каяться?»

Другой голос нежно, но убедительно говорит об испорченности человеческого сердца, нуждающегося в очистительной Крови Иисуса Христа, совесть напоминает о множестве грехов, которые отягощают душу. Сердце, желающее освободиться от греховного бремени, еще сильнее рвется к Тому, Кто говорит: «И грехов их, и беззаконий не помяну более». Тогда первый голос, меняя тактику, начинает воскрешать в памяти такие мерзкие грехи, о которых и вспоминать стыдно. Надломленная воля в этот момент начинает сдаваться, душа стонет: «Господи, сколько ужасных грехов во мне! Могу ли я подойти с ними к Тебе, святому и справедливому?! Ты есть, Господи, но слишком поздно я, узнав о Тебе, решаюсь каяться! Грех мой так велик... Наверное, мне уже нет прощения!..»

Хор тихо запел: «Что ты медлишь на грешном пути...» Яков Романович также тихо, но очень внятно процитировал слова из 53 главы пророка Исаии: «Но Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего было на Нем, и ранами Его мы исцелились».

— Друг мой, взгляни очами веры на раны Христа! — продолжал Яков Романович.— Он все сделал для твоего спасения. Признай же Его Господом, а себя — грешником, попроси прощения за свои грехи и верь, что вечный Бог по Своей милости подарит тебе спасение!

Братья и сестры молились Богу за те души, которые, находясь на собрании, не могли открыть уста для покаяния.

Вдруг зал ожил. Взоры всех сосредоточились на высоком, лет тридцати пяти мужчине, который пробирался вперед. Его бледное лицо и блестящие глаза говорили о глубоком волнении. Подойдя к кафедре, он опустился на колени.

— Господи, прости меня, страшного грешника! — сквозь

глухие рыдания вырвалось из его уст.— Не перечислить мне грехов моих!.. Иисус, очисти мою черную душу, Ты же и за меня пострадал! Прости, что я отверг Твой призыв в юности, когда Ты стучал в мое сердце через молитвы матери и увещания отца... О, если бы и перед вами я мог покаяться, мои милые родители! Прости меня, Господи, за то, что преждевременно свел их в могилу своей распутной жизнью!..

Рыдания покрыли последние слова кающегося. С ним, казалось, рыдал весь зал. Это была не только молитва покаяния, но и горячее свидетельство о Божьем долготерпении и милосердии. Еще не прозвучало последнее «аминь», как рядом с молящимся мужчиной склонились две девушки. Это тоже были дочери верующих родителей, осознавшие, что их грешная жизнь никчемна без Христа.

Яков Романович горячо благодарил Господа за новообращенные души.

— Иисус! — молился он. — Возьми их в Свои пронзенные руки, как пастырь — овечек, прижми крепко к Своей груди и донеси до неба! Тебе мы поручаем их, Господи! Продли еще милость Твою над нашим народом, который так безрассудно отвергает Тебя! Благодарим Тебя, Боже, за радость спасения этих душ, за Твое светлое воскресение. Слава Тебе!..

Дружным «аминь» подтвердили верующие молитву молодого помощника пресвитера.

Затем Яков Романович задал покаявшимся несколько вопросов. Они искренне засвидетельствовали, что получили радость прощения грехов. Хор спел торжественный гимн «Радостную песнь воспойте в небесах», и собрание закончилось общей молитвой. Братья и сестры радостно приветствовали друг друга, не подозревая, что грядущие дни принесут им большие перемены и много печали.

* * *

На третий день Пасхи руководство общины вызвали в горисполком, где состоялась длительная беседа с секретарем горисполкома, уполномоченным по делам религий и двумя

неизвестными в штатском, которые мало говорили, но внимательно следили за реакцией и ответами верующих. Мягкий тон представителей власти постепенно сменился угрозами о закрытии молитвенного дома и применении административных мер воздействия на верующих вплоть до суда.

Руководству общины предлагалось в кратчайший срок привести богослужения в должное состояние, согласно законодательству о культах. Представители власти приказали распустить молодежный хор, отказаться от создания струнного оркестра, вывести из хора молодых, запретить всякие молодежные общения, считать из ряда вон выходящим создание детского хора и участие детей на богослужениях, внушить родителям не брать детей на собрание.

На следующий день в горисполкоме вновь заседала административная комиссия. Она вынесла решение оштрафовать руководителей общины. В пятницу, после богослужения, братья рассказали членам церкви о состоявшейся беседе с представителями власти. От воскресного восторга не осталось и следа. Мечта братьев и сестер о свободном служении Богу развеялась, как утренний туман. Сущность атеизма осталась неизменной. Хотя некоторые братья, в том числе и Яков Романович, призывали повиноваться больше Богу, большинство членов церкви испугались угрозы и согласились на принятие атеистических условий, вспомнив при этом суровые времена гонений. Было объявлено, чтобы в воскресенье детей на собрание не приводили.

Что для матери-христианки может быть дороже, чем воспитание детей по учению Иисуса Христа?! Взывая к Богу о заступничестве, многие сестры со скорбью отмечали, что почти все руководство церкви, оставив сражение в проломах крепости Божьей, сдалось в плен врагам дела Божьего.

По дороге домой верующие поселка, где жил Михаил, договорились с Яковом Романовичем собраться в субботу для молитвы. Это были благословенные часы, когда отцы и матери просили у Господа защиты для своих детей, получив уверенность, что Он слышит их!

После молитвенного общения все были полны решимости

продолжать служение, как и раньше. Яков Романович прочитал слова из книги Исход: «Пойдем с малолетними нашими и стариками нашими, с сыновьями нашими и дочерьми нашими».

Воскресное утро в поселке было таким же прекрасным, как и на Пасху. Как обычно, братья и сестры встретились на автобусной остановке без четверти девять, чтобы вместе ехать на богослужение. Казалось, ничего особенного не случилось. Матери, как всегда, шли в молитвенный дом со своими детьми...

Глава седьмая

Тридцать лет было Якову Романовичу, когда его единогласно избрали помощником стареющего пресвитера. Хотя на пастырское служение обычно избирались более опытные, пожилые братья, но горячая любовь к Господу и кротость по-особенному расположили к Якову Романовичу членов церкви. Пресвитер-старец рад был молодому помощнику, которому почти полностью передал свое служение, полагая, что он будет во всем послушным. И действительно, за все годы служения у них не возникло разногласий. Яков Романович всегда прислушивался к советам опытного служителя. Однако в этот раз он не мог согласиться с решением церковного совета и сильно переживал, увидев, что почти никто из братьев не поддерживает его мнения. Больше того, некоторые сочли его просто гордецом. Но христианская совесть подсказывала Якову Романовичу, что дело касается вопросов первостепенной важности и здесь не может быть компромисса с атеизмом.

Почти всю ночь перед воскресеньем Яков Романович провел в молитве. Житейские заботы, которых было очень много, остались в стороне. Не думал он даже о том, что его ждет впереди. Больше всего хотелось исполнить Божью волю.

Семья Якова Романовича переживала в это время большие трудности. Буденковы ютились в однокомнатной квартире за несколько километров от поселка, где строили дом. На собрание приходилось ездить в райцентр. Как мог Яков Романович

везде успевать — знает один Господь. Строительство дома продвигалось очень медленно, так как не хватало ни средств, ни времени, но верная спутница жизни Дарья Тимофеевна, как истинная христианка, никогда не упрекала мужа за то, что бóльшую часть времени он отдает труду в церкви. Недавно у них родилась третья дочь, и Дарья Тимофеевна пока не посещала собрания, но духом всегда была с теми, кто желал в истине прославлять Бога. Это была подлинная христианская семья, где супруги, горячо любя друг друга, больше всего любили Бога.

Часы пробили шесть утра. Яков Романович торопился на первый автобус, чтобы успеть до собрания еще раз побеседовать со служителями и членами церковного совета.

— Молись, Даша,— попросил он жену.— Может, поймут братья, какой ущерб наносят делу Божьему, и отменят свое решение. Ведь нельзя препятствовать детям приходить к Иисусу!

— Я всегда молюсь за тебя,— ответила Дарья Тимофеевна.— Иди с миром, Господь все устроит, как Ему угодно!

По дороге Яков Романович не переставал думать о последствиях, которые ожидают общину в случае выполнения требований атеистов, и приходил к одному: церковь без молодого поколения обречена на вымирание.

Богу нужны преданные последователи, которые могли бы сказать, как пророк Исаия: «Вот я, Господи, пошли меня!» Слава Богу, они всегда были, есть и будут, поэтому силы тьмы никогда не одолеют Церкви!

«О, если бы братья не только поняли это, но и решились жертвовать собой, как некоторые из них поступали раньше! — думал Яков Романович.— Какими бесполезными были бы тогда все происки атеистов!» В этот момент он как-то по-особому почувствовал любовь к братьям.

«Неужели они не поймут, что я не ищу своего, а желаю отстоять завоеванные позиции и не сдать их врагу? — неотступно сверлила мысль.— Конечно, непринятие атеистических требований повлечет за собой некоторые лишения: закроют молитвенный дом, будут беспощадно штрафовать, может

быть, кого-то даже арестуют. Но с церковью они ничего не смогут сделать, она будет выполнять свое назначение в любых условиях! Неужели братья устрашатся страданий? А может, они маленькой уступкой хотят сберечь молитвенный дом? Но зачем он нужен, если в нем останутся одни старцы! Некоторые уверяют, что детей можно и дома воспитывать в учении Иисуса Христа. Правильно, но и на собрании им должно быть место! Какие же это будут служители и воины, выросшие вне церкви? Доморощенный боец малопригоден к той ожесточенной борьбе, которую неверие готовит народу Божьему. Атеисты знают это и хотят преградить молодежи путь ко Христу...»

Так Яков Романович мысленно ставил перед собой вопросы и сам старался ответить на них. Ему, как никому другому, была известна тактика атеистов по отношению к верующим. Он вспомнил юность, когда за организаторские способности его избрали комсоргом техникума, где он учился. Посещая семинары, проводимые различными пропагандистами, он был тогда совершенно уверен, что с религией в СССР скоро будет покончено. Пропагандисты уверяли, что религия — это всегонавсего буржуазный пережиток, которому нет места в современном обществе. Яков Романович поверил этому и, умея убедительно говорить, стал внушать это мнение другим.

Но вот началась война. Яков Романович попал на фронт и видел, как гибнут люди. Там он понял, что этим умирающим не нужны высокопарные фразы о справедливом безрелигиозном обществе. Им нужна была живая вера в милостивого Бога, в прощение грехов и очищение Кровью Иисуса Христа. Он видел, как высокие военачальники, считавшиеся атеистами, падали на колени и взывали: «Господи, если Ты есть, спаси меня, буду вовек служить Тебе!» Очевидно, и для них религия была чем-то несравненно большим, чем просто «буржуазный пережиток».

Когда для Якова Романовича настал момент встречи со Христом, он без колебаний принял Его как личного Спасителя, отбросив атеистическую шелуху хитроумных измышлений. В простой аргументации санитара в госпитале, куда он попал

после ранения, было больше логичности, чем в противоположных заверениях дипломированных лекторов атеизма. Живая вера санитара, его свидетельство о Спасителе мира сделали свое дело — Яков Романович стал христианином.

Автобус резко затормозил на конечной остановке. Яков Романович решил пойти сначала к пресвитеру, который жил на окраине города, недалеко от молитвенного дома. Дорога шла вдоль кладбища, за которым начиналась городская свалка. Этот район власти сочли самым подходящим для проведения богослужений и разрешили построить здесь молитвенный дом, который верующие должны были сначала сдать государству, а потом свой же дом арендовать у местных властей.

Яков Романович медленно шел по кладбищу. Он машинально остановился у старой могилы. Здесь он часто молился Богу. С фотографии на надгробном памятнике на него смотрели светлые глаза глубокого старца, а ниже стояла надпись: «Блаженны мертвые, умирающие в Господе!» Здесь покоилось тело одного из основателей местной церкви, отдавшего свое сердце Господу еще в царское время. Его могила была заботливо убрана, ограда и памятник покрашены.

Под наплывом многочисленных дум, Яков Романович почувствовал особую необходимость побеседовать с Господом. Могучие деревья слегка шелестели распустившейся листвой. Птицы радостно щебетали, встречая новый день. Все создание стремилось прославить своего Творца. Вплетаясь в этот гимн хваления, к престолу Всевышнего вознеслась и молитва служителя Божьего, воздыхающего о состоянии дела Божьего и тоскующего о небесной Родине, где не будет скорби и слез, где прекратится всякая борьба.

Глава восьмая

В дом пресвитера Яков Романович пришел около восьми утра. Как он и ожидал, здесь были уже некоторые братья, в том числе и председатель церковного совета. Всех волновал один и тот же вопрос: как пройдет сегодня богослужение.

Пресвитер предложил порассуждать о ходе предстоящего собрания. Имея богатый опыт духовной работы, он хорошо понимал, что без участия детей и молодежи служение сведется к формальному ритуалу, исчезнет огонь, который воспламеняет сердце и зовет на духовные подвиги во имя Христа. Иногда ему хотелось ради послушания Богу ослушаться повеления властей, но в памяти тотчас всплывали мрачные картины репрессий. «Что будет с немощными старцами, если закроют молитвенный дом? — спрашивал он себя.— Да и не все готовы к полной самоотдаче, а без единства не поднять нам этой глыбы...»

Постепенно пресвитер согласился с мнением председателя церковного совета, которого страшили даже малейшие осложнения в отношениях с властями. Плоть взяла верх над его духом, и он стал послушным орудием в руках тех, кто стремился разрушить Церковь Христову. Свои мысли председатель старался логически обосновать, приводя разные примеры. На первый взгляд казалось, что только он и болеет понастоящему за дело Божье, предлагая мудрые варианты при решении церковных вопросов, но это была не Божья, а человеческая мудрость. Если началом мудрости, сходящей свыше, является страх Божий, то началом плотского мудрствования нередко является страх перед сильными мира.

Сердце Якова Романовича невольно сжималось от доводов председателя церковного совета, имеющих только вид мудрости. Он понимал, что такая логика и приемы софистики* вообще неприемлемы в деле Божьем и являются лишь прикрытием духовной слабости. Как никому другому, ему в данный момент была ясна сущность аргументов, приводимых председателем. Сам он давным-давно перестал пользоваться мирскими способами доказательства, считая искреннюю веру основным успехом в деле Божьем.

Присутствовавшие на беседе братья поддержали мнение председателя церковного совета и старого пресвитера. Они

---

* Применение в доказательствах формально кажущихся правильными, но ложных по существу умозаключений.

тоже считали, что лучше уступить властям в отношении детей и молодежи, чем допустить закрытие молитвенного дома.

Яков Романович молча слушал братьев и глубоко скорбел, видя их готовность, в угоду желаниям сильных мира, пожертвовать самым важным в служении Богу. Идя в дом пресвитера, он где-то в глубине души надеялся, что благоразумие возьмет верх и братья, боясь Бога, отменят решение, принятое накануне. Но сейчас он понял, что это решение утвердилось.

«Один в поле не воин,— мелькнула у него мысль.— Может, ради мира в церкви промолчать в этот раз и тем самым как бы согласиться с мнением большинства? — Но другой внутренний голос неотступно твердил: — Это греховная сделка с совестью!»

Когда пресвитер, подводя итог краткого совещания, спросил, все ли согласны принять к исполнению данное решение, Яков Романович встал и со слезами на глазах сказал:

— Братья мои! Бог свидетель, что я люблю вас и всегда ставил ваше мнение выше своего, но сейчас не могу пойти против своей совести и согласиться с вами. На мой взгляд, братья, вы оставляете истинный путь. Простите за такую прямоту, но я против принятого вами решения! Мне ничего не хотелось бы предсказывать на будущее, но я представляю, в какое жалкое состояние придет наша община, если мы будем выполнять указания атеистов. Позвольте мне для большей ясности привести один жизненный пример.

Яков Романович рассказал, как в годы войны погиб в бою почти весь полк, за исключением нескольких человек, которые сохранили знамя полка, проявляя отвагу и жертвуя собой. Хотя фактически полк перестал существовать, наличие знамени давало право считать его существующим. Его дополнили за счет другого полка, в котором были живы почти все солдаты, но из-за потерянного полкового знамени он подлежал расформированию.

Братья слушали Якова Романовича с напряженным вниманием. Заметив это, председатель церковного совета прервал его речь:

— Что ты хочешь этим сказать? Здесь мирное богослуже-

ние, а не война, не надо путать совершенно разные вещи!

— Я думаю, братья,— продолжал Яков Романович,— что у нас настоящая война, только не с плотью и кровью, а с духами злобы поднебесными. И если мы уроним знамя истины Христовой, то не устоять нам. На этом основании я решительно заявляю, что не могу согласиться с вами, так как больше всего на свете люблю Господа и желаю стоять в Его истине.

Яков Романович сел. Сердце его учащенно билось.

— Он хочет сказать, братья, что мы все против истины,— опять заговорил председатель церковного совета.— Не слишком ли много берешь на себя, дорогой брат? Мы больше тебя прожили, многое видели в жизни и таких смельчаков, как ты, тоже повидали. Не надо переоценивать свои силы. Лучше плыть по течению. Против течения не поплывешь — выдохнешься!

Яков Романович решил было не отвечать на эти возражения, чтобы разговор не превратился в полемику, но внутреннее побуждение заставило его подняться и сказать:

— Я не полагаюсь на свои силы, братья, но Господь обещал помочь надеющимся на Него. Плыть по течению вместе с этим миром и с утратившими силу мы не имеем права, это очень опасно. По течению плывет лишь мертвая рыба, а живая всегда держит курс против течения.

— Смотри, куда хватил! — резко встал председатель.— По-твоему все равно не выйдет, я не позволю тебе здесь мутить воду! Вечно ты со своими поселковыми чего-то домогаешься. Мы можем быстро найти на тебя управу!..

Неизвестно, что еще наговорил бы этот человек, если бы пресвитер не напомнил, что пора идти на богослужение. Явно смущаясь исходом беседы, он кратко помолился, и все пошли на собрание.

Молитвенный дом постепенно наполнялся приходящими прославить Господа. Верующие из поселка, решившие взять с собой детей, еще не пришли. Очевидно, их автобус задерживался. Все было как и раньше, только передние места для детей были пустыми. Чтобы отсутствие детей не бросалось в глаза, диакон стал пересаживать на их места старушек,

обычно занимавших последние скамьи. До начала собрания оставалось минут пять.

Вдруг тихий шепот пронесся по залу, и наступила гнетущая тишина. Взоры собравшихся невольно обратились к входу. На богослужение пожаловали секретарь горисполкома и двое неизвестных. Поздоровавшись, они прошли вперед и заняли места позади тех лавок, где обычно размещались дети и молодежь. Как ни старался председатель церковного совета скрыть свое волнение, это у него не получалось. Он торопливо подходил то к представителям власти, то к служителям и переговаривался с ними. В это время в зал стали заходить приехавшие из поселка со своими детьми. Председатель церковного совета до того растерялся, что решился на крайний шаг. Что-то прошептав на ухо пресвитеру, он схватил под руку диакона и вместе с ним пошел навстречу детям.

— Детки, скорее назад! — зашептал он.— Сегодня вам нельзя быть на собрании!

Пока он уговаривал выйти уже вошедших детей, диакон встал в дверях, чтобы не пустить тех, кто был еще во дворе.

— Как вы посмели нарушить церковное постановление? — обратился к ним председатель, выйдя из зала.

— А как вы дерзнули нарушить заповедь Господа и стали препятствовать детям приходить ко Христу? — спросил Яков Романович, неожиданно появившись в дверях.

Наблюдая за происходящим, он вышел вслед за детьми, выдворенными из зала.

— А, это опять твоя работа? — резко обернувшись, свистящим шепотом заговорил председатель.— Уезжайте сейчас же все отсюда!

Видя, что церковь поставлена в крайне неловкое положение перед представителями власти, и не желая показать недругам дела Божьего слабые стороны, Яков Романович предложил всем оставшимся вне молитвенного дома вернуться в поселок и там провести богослужение.

Поникли седые головы старцев, которые с глубокой скорбью смотрели на происходящее. Зато представители власти остались довольны создавшимся положением в общине.

После богослужения, в котором чувствовалось угашение Духа Святого, секретарь горисполкома сказал, что претензий к верующим со стороны власти не будет, если собрания будут проходить так же, как и сегодня. Ободренный этими словами, председатель церковного совета, не дождавшись ответа пресвитера, заверил, что церковь заинтересована в добрых отношениях с властями и будет принимать строгие меры ко всем непослушным, вплоть до отлучения. После таких обещаний представители власти покинули зал, довольствуясь тем, что в руководстве церкви стоят те, кто готов исполнять их волю.

С тех пор братья и сестры поселка, совместно с Яковом Романовичем, совершали служение Господу самостоятельно, испытывая при этом сильное притеснение со стороны атеистов.

Михаил и Надежда в это время жили в районном центре и некоторое время оставались в зарегистрированной церкви, но потом, видя явное отступление от заповедей Божьих, вышли из нее и, поселившись у Родиных, присоединились к общине, где пресвитером был Яков Романович.

Глава девятая

Перевыполнив дневную норму, Михаил заканчивал работу. Он любил трудиться. Работа, как говорят, кипела у него в руках. После окончания училища он некоторое время работал молотобойцем в кузнице, приглядываясь к каждому движению мастера-кузнеца, а тот, полюбив скромного и трудолюбивого юношу, постепенно передал ему свое мастерство. Когда старый кузнец уходил на пенсию, то по его совету Михаила поставили мастером. Михаил был искренне благодарен своему учителю и на прощание крепко пожал мозолистую руку трудолюбивого кузнеца, сказав при этом:

— Дядя Матвей, спаси вас Бог за вашу доброту ко мне! Я буду молиться, чтобы вы приняли Христа в свое сердце и были навеки с Ним!

Старый мастер даже прослезился, обнял Михаила и сказал, что эти слова благодарности для него дороже всех офици-

альных почестей и грамот, врученных ему. Михаил пригласил его на богослужение. Он приходил несколько раз, но потом переехал на Кубань, и больше Михаил ничего не слышал о нем, но продолжал молиться, веря, что Господь силен привести его к покаянию.

Заканчивалась смена. Михаил умылся, переоделся и уже хотел идти домой, как вдруг посыльный сообщил, что его срочно вызывает директор. Спрашивать о цели вызова Михаил не стал, чувствуя, что после всех угроз этот разговор будет носить не производственный, а официальный характер.

Михаил внутренне молился, чтобы Господь дал мудрости, как отвечать на вопросы. Дух его был спокоен. Больше всего Михаил боялся нарушить волю Божью и, прямо или косвенно, стать помехой в Его деле.

Дверь кабинета отворилась, и директор, приветливо улыбаясь, пригласил:

— Заходи, Миша, заходи, давно мы не встречались! Садись поудобнее, мне с тобой посоветоваться надо.

Михаил сел на указанное место, слева от директора. Напротив уже сидели двое неизвестных: один — лет сорока, высокий, элегантно одетый; другой — примерно такого же возраста, среднего роста, одетый подчеркнуто просто. Они смотрели на Михаила и тоже улыбались.

«Как они похожи друг на друга при всем кажущемся различии!» — отметил Михаил.

А сходство им придавала стандартная улыбка: улыбались только губы, а взгляд был тяжелый, гнетущий, изучающий.

— Ну, как идет работа, Миша? — начал разговор директор.— Месячный план, наверное, опять перевыполнишь?

— Постараюсь,— ответил Михаил.

— В этом я не сомневаюсь,— продолжил директор,— трудиться ты умеешь и любишь работу. Молодец! Мы твой портрет на Доску почета хотели повесить, да некоторые запротестовали, потому что ты баптист. При этом мне сказали, что вы какие-то особенные баптисты, не желающие подчиняться законам нашего государства. Мне даже не верится, что ты можешь быть в их числе. По-моему, ты готов исполнять

любое поручение советской власти. Так ведь, Миша?

— Даже в Библии написано, что вся власть от Бога,— как бы невзначай вставил сидевший напротив Михаила незнакомец среднего роста.

— Да, я забыл представить тебе наших товарищей из общества «Знание»,— спохватился директор.

Михаил отлично понимал, к какому обществу принадлежат эти «товарищи». Внутренний голос подсказывал ему, что они действительно желают многое знать, особенно о тех, кто подвизается за веру евангельскую.

«Надо больше молчать, особенно, если разговор коснется отношений с внешними»,— мелькнула у него мысль.

— Что вы ответите нам на этот вопрос? — после напряженной паузы спросил второй незнакомец.

«Этот не постесняется и дойдет до угроз»,— отметил Михаил, продолжая молчать.

— Вы, наверное, хорошо знаете тринадцатую главу послания Римлянам? — заговорил опять неизвестный, стараясь вовлечь Михаила в разговор.

— А вы ее хорошо знаете? — вопросом на вопрос ответил Михаил, собираясь с мыслями.

— Приходилось читать,— ответил тот.

— Что же вам там не ясно? — опять спросил Михаил и, не дожидаясь ответа, предложил: — Впрочем, если вам действительно что-то непонятно в Библии, то приходите к нам на богослужение, послушаете проповеди и многое поймете. Вы даже можете через общество «Знание» устроить вечер вопросов и ответов, пригласить верующих, и они с помощью Божьей объяснят вам главные вопросы бытия. Николай Порфирьевич,— обратился он затем к директору, стараясь не делать паузы, чтобы не дать возможности непрошеным собеседникам продолжать разговор,— я не понял, кто вызвал меня: вы или товарищи из общества «Знание»?

Не ожидая такого поворота дела, директор вопросительно посмотрел на гостей и, не теряя дружеского тона, быстро заговорил:

— Разумеется, я. У нас на заводе сейчас большие дела

свершаются, мы понемногу механизируем трудоемкие процессы обработки металла. У вас в кузнице будем устанавливать экспериментальный молот, который полностью заменит молотобойца и повысит производительность труда. Я слышал, что у тебя скоро должна пополниться семья?

— Уже пополнилась. Вчера родилась дочь.

— Вот молодец! Поздравляю, поздравляю! — вставая из-за стола и пожимая Михаилу руку, приговаривал директор.— Такой молодой, а уже отец троих сыновей и дочери!

Товарищам из общества «Знание» ничего не осталось, как тоже встать и поздравить Михаила, что они и сделали все с теми же стандартными улыбками.

— Так вот, Миша,— поглядывая на часы, продолжил директор,— мы могли бы тебя как отличного кузнеца перевести на этот молот и повысить зарплату, да я боюсь, что кто-нибудь опять запротестует. Может, ты дашь нам слово, что в своем вероисповедании будешь поступать согласно советским законам, хотя бы детей не привлекать к религии. Ну зачем портить им будущее?

«Хитрый ход,— подумал Михаил, погружаясь в молчание.— А при чем здесь эти товарищи? Неужели без них директор не может решить даже производственный вопрос?»

— Николай Порфирьевич,— обратился Миша к директору,— поставьте кого-нибудь другого на новый молот, а меня оставьте с моими прежними религиозными убеждениями на старом месте.

— Позвольте! — вмешался один из собеседников.— Мне кажется, вы много потеряете.

— Да, конечно,— тотчас поддержал его второй.

Михаил поднялся и, обратившись к сидевшим напротив, сказал, добродушно улыбаясь:

— Друзья, вы же из общества «Знание»! Какое отношение имеет оно к механическому молоту? Хочу сказать, что я не намерен свои убеждения променивать на кузнечный молот, даже на механический. Николай Порфирьевич, позвольте этот вопрос считать разрешенным!

— Вы присядьте, присядьте на минутку! — строго сверк-

нул глазами высокий.— Вы еще должны ответить нам на некоторые вопросы.

— Какие вопросы? — по-прежнему улыбаясь, спросил Михаил.— Относительно кузнечного молота?

— Нет, относительно вашей деятельности в незарегистрированной секте, распространяющей буржуазную идеологию! — теряя спокойствие и отчеканивая каждое слово, проговорил он.

— Что-то ваш ультимативный тон не соответствует товарищу из общества «Знание»,— не теряя равновесия, заметил Михаил.— На производстве я намерен решать только производственные дела, а по интересующим вас вопросам вызывайте в официальном порядке в соответствующее учреждение. В дальнейшем прошу вас не утруждать себя попыткой устраивать подобные встречи по месту работы. Это будет бесполезно!

Михаил быстро пошел к выходу, но в дверях остановился.

— Николай Порфирьевич, не судите меня за решительный тон. Вы должны меня понять. До свидания!

Глава десятая

А дома Михаила давно уже ждали с работы.

— Небось, опять куда-нибудь вызвали,— взглянув на часы, сказал Родин приезжему брату.— Скоро уже шесть, а его все нет.

— Ничего, дождусь, у меня важное дело,— ответил тот.

— Ты, брат, прилег бы, отдохнул,— предложил Родин.— Наверно, давно в дороге.

— Нет, пока не изложу дела, не засну. Отдохнем в краю родном,— показав рукой вверх, бодро сказал он.

Судя по чертам лица и осанке, ему было лет тридцать, но глубокий взгляд темных глаз и седина, посеребрившая виски, делали его много старше. Одет он был аккуратно и просто. Его облик был настолько обаятелен, что он сразу же расположил к себе хозяев.

Родин понимал, что много спрашивать при первом зна-

комстве нетактично, но ему очень хотелось знать, как живет народ Божий в других городах.

— Брат, как дела в вашей церкви? — помолчав, все же решился спросить он.

— Я теперь затрудняюсь ответить на этот вопрос,— улыбнулся приезжий,— потому что церкви, в которых началось пробуждение, для меня все свои. Одно скажу, дорогой брат, великое чудо сотворил Господь в наши дни, побуждая Своих тружеников строить из развалин стену вокруг Церкви Христовой. Сухие кости облекаются плотью и под действием Духа Святого оживают. Да будет имя Господне благословенно!

Скрипнула калитка.

— Наверно, Миша идет,— обрадованно произнес Родин и направился к двери.

— Опять вызывали меня, папа,— еще с порога громко заговорил Михаил.— Что-то потеряли они покой...

— У нас гость, Миша,— перебил его Родин.

Михаил сразу стих. Он быстро умылся и прошел в переднюю, где его ожидал приезжий брат. С интересом Родин смотрел на них: оба высокие, молодые. Физическая крепость и постоянная улыбка на лице Михаила удивительно сочетались со строгостью и бледностью гостя.

«Какие мóлодцы встают в пролом! — ликуя, отметил Родин.— Молодые, любящие Господа,— не устоять неверию против Божьих воинов!»

Приезжий коротко помолился и пояснил Михаилу, что ему необходимо встретиться с пресвитером и членами местной церкви.

— Хорошо! — обрадовался Михаил.— Завтра у нас как раз собрание и можно будет всех увидеть, а пока милости просим к столу и на отдых с дороги!

— Нет, брат Миша,— сдержанно улыбнулся гость.— Завтра, если Господь позволит, мне нужно быть в другой церкви, а у вас сегодня проведем беседу, пусть даже ночью. Враг не дремлет, и нам нужно дорожить временем.

Забыв про накрытый стол, Михаил выбежал на улицу.

— Миша, покушай сначала! — крикнула ему вслед Родина.

— Нет, мама, потом! Побегу к брату Тимофею, пусть он съездит на мотоцикле к Якову Романовичу, а я здесь всем сообщу. Ты к Наде ездила? — уже у калитки спросил он.— Как они там?

— Слава Богу! Завтра Наде уже вставать можно будет...

— Ну и хорошо!.. Я быстро, мама! Со стола не убирайте, угощайте дорогого гостя!

Михаил скрылся за калиткой.

— Всю жизнь так, и откуда у него только сила берется? — развела руками Родина.— Все бегом, бегом...

— «Надеющиеся на Господа обновятся в силе; поднимут крылья, как орлы, потекут, и не устанут, пойдут, и не утомятся»,— процитировал гость стих из Библии, и по его лицу можно было определить, что он одобряет такую жизнь.

Членское собрание решили провести у вдовы Тарасовны. Ее домик, состоящий из одной комнаты и кухни, стоял на крайней улице поселка. Старушка до того была рада приходу братьев и сестер, что прямо светилась от счастья.

— Почаще приезжай к нам, дорогой брат,— приговаривала она,— а то приглашаю, приглашаю, а они не идут, говорят, что у меня в доме тесно! Оно, может, и в самом деле тесновато, но в сердце моем для всех места хватит! Проходите, проходите, мои милые! — встречала она приходящих.

У Тарасовны нашлось всего четыре стула, но братья тут же принесли доски и соорудили две длинные лавки. Старших братьев усадили на диван, а пожилых сестер — прямо на кровать. Несколько молодых членов церкви за неимением места остались стоять на кухне. У всех на лицах было приятное возбуждение, все ожидали чего-то очень важного.

Теснота и бедность вдовьего жилища не угашали чувства радости, а, наоборот, соединяли сердца Христовой любовью. Даже текст из 15 Псалма, вышитый хозяйкой еще в молодости и заботливо вставленный в самодельную рамку, гармонировал с темой общения.

Приезжий брат предложил, чтобы эти слова: «К святым, которые на земле, и к дивным Твоим — к ним все желание мое» были эпиграфом собрания. Несмотря на позднее время,

решили провести молитвенно-назидательное служение, а потом перейти к деловым вопросам.

После пения гимна «Боже, видишь Ты страданье на земном моем пути» Яков Романович сказал короткую проповедь на те же слова из 15 Псалма. Он обратил внимание, что душа христианина стремится не ко всем людям, а к святым, к тем, которые, омывшись Кровью Иисуса Христа, отображают в себе Его чудный образ. О них так пишет Апостол Петр: «Но вы — род избранный, царственное священство, народ святой, люди взятые в удел, дабы возвещать совершенства Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет».

— Братья и сестры,— говорил Яков Романович,— будем ценить дорогие минуты общения с Господом и друг с другом! Возвысим наш голос в молитве о духовном пробуждении в нашей стране! С терпением и страхом будем проходить предлежащее нам поприще, разделяя радости и скорби со всем народом Божьим, которому дано ради Христа не только веровать в Него, но и страдать за Него! Будем благодарить Господа за узкий путь, который Он нам открыл. Пусть страдания народа Божьего в нашей стране и по всей земле будут так же близки нам, как свои собственные! Преклоним колени и помолимся...

Горячие молитвы понеслись к престолу Всевышнего. Братья и сестры благодарили Господа за путь, по которому Он ведет, и просили Его, чтобы Он помог устоять против безбожия и продлил возможность совершать богослужения. Старцы вспоминали то время, когда они были лишены возможности общаться друг с другом, и со слезами благодарили Бога за то, что Он помог Своему народу воспрянуть духом и проповедовать Евангелие людям.

Затем все спели предложенный Яковом Романовичем гимн «Жить для Иисуса, с Ним умирать». Готовые всем сердцем и душой служить Господу и идти за Ним узким путем, тридцать членов церкви единодушно слились в стройный хор.

Когда хор умолк, в доме воцарилась тишина. Все ожидали, что скажет гость.

— Братья и сестры,— обратился он к присутствующим

тихим, казалось, идущим из глубины сердца голосом,— я благодарен Господу, что святая Кровь Иисуса Христа настолько сроднила нас, что, встречаясь первый раз, мы чувствуем, как близки и дороги мы друг другу. Прочитаю для нашего размышления стих из 115 Псалма: «О, Господи! я раб Твой, я раб Твой и сын рабы Твоей». Очень хочется, чтобы эти слова относились и ко мне, и к каждому из вас.

Что значит быть рабом Иисуса Христа? Апостолу Павлу не раз приходилось свидетельствовать о себе перед людьми, и он говорил о своем высоком положении так: «Из колена Вениаминова, еврей от евреев, по учению фарисей, по правде законной — непорочный». Но озаренный светом воскресшего Спасителя, он добровольно оставляет пьедестал человеческой славы и смиренно спрашивает: «Господи, что повелишь мне делать?» Этот вопрос говорит о полной готовности исполнить любое повеление.

«Павел, раб Иисуса Христа»,— писал он в послании Римлянам. Кажется, этому высокому званию Апостол предпочитает все. Почему же? Да потому, что Сам Христос, «будучи образом Божьим, не почитал хищением быть равным Богу; но уничижил Себя Самого, приняв образ раба». Каким миром веет от прощальных слов Апостола Павла, когда он, исполнив волю своего Господа, как добрый и верный раб, говорит: «Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил; а теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный Судия»!

Голос проповедника задрожал, глаза увлажнились. Казалось, будто самая трепетная струна его сердца, вторя прощальным словам Апостола, зазвучала тихо, но удивительно проникновенно. Не было среди слушающих ни одного, кто бы остался равнодушным и не осознал глубокого смысла слов «раб Иисуса Христа».

Какое счастье быть рабом Того, Кто есть путь, и истина, и жизнь! Какое счастье услышать от Него такую оценку: «Добрый и верный раб, войди в радость Господина твоего!»

Далее брат рассказал о пробуждении, начавшемся по всей стране в церквах евангельско-баптистского братства. После

опубликования «Инструктивного письма» и «Нового устава ВСЕХБ» Инициативная группа по созыву Всесоюзного съезда церквей ЕХБ, переименованная затем в Оргкомитет, решила прямо обличить руководство ВСЕХБ в отступлении от истинного пути следования за Христом и предложила им покаяться в своих делах. Руководители же ВСЕХБ осудили действия братьев Инициативной группы на расширенном пленуме ВСЕХБ. Братьев из Оргкомитета на пленум не допустили. Тогда верные Господу служители обратились ко всем церквам ЕХБ с призывом выйти из среды тех, кто, оставив единого Главу Церкви — Иисуса Христа, подпали под влияние мирских организаций, стремящихся парализовать жизнь церкви*.

Прочитав информационное сообщение об общем состоянии церквей в стране, приезжий служитель обратился к слушателям с призывом. Голос его стал более звонким, глаза загорелись каким-то внутренним огнем, он весь преобразился. Даже не слыша его пламенных слов, а только глядя на него, можно было судить о его глубокой уверенности в правоте дела, начатого пробужденным братством.

— Братья мои и сестры,— говорил он,— Господь приглашает и вас встать в строй верных Божьих воинов. Ему нужны добровольцы, способные поднять знамя истины Христовой, пронести его через долину плача, скорби и страданий и передать незапятнанным грядущему поколению или же вручить Самому Иисусу Христу в день Его славного пришествия. Этот путь не усеян цветами, шипы и терния растут на нем, но он приводит на небо, где Сам Господь ожидает верных Своих, приготовив им обители. Небо ожидает нас, братья и сестры! В трудностях и скорбях будем почаще поднимать взор к горам, откуда приходит помощь наша!

Невозможно передать словами того восторга, который наполнил сердца братьев и сестер, склонившихся после проповеди на молитву. Они зажглись единым желанием просла-

* Позднее, на совещании представителей церквей, пожелавших идти за Господом узким путем, был выбран руководящий орган братства — Совет церквей ЕХБ.

вить Господа за чудо, сотворенное Им на их глазах. Что может быть отраднее для детей Божьих, чем видеть исполнение слов Христа: «Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее»?!

После молитвы Яков Романович сказал:

— Братья и сестры, я всем сердцем и душой желаю быть с гонимыми за истину Божью. Кто твердо решил в своем сердце примкнуть к пробужденному братству, прошу встать!

Как один поднялись все братья и сестры с такой поспешностью, будто боялись упустить момент призыва. Приветствие святым лобзанием братьев с братьями, а сестер с сестрами соединило стремление всех членов церкви следовать за Господом узким путем и быть верными Ему до смерти.

Глава одиннадцатая

Все новые и новые общины и группы примыкали к гонимому братству, объединенному служением Совета церквей. Пробуждаясь от духовного сна, многие верующие становились на путь освящения, исповедовались в своих согрешениях и начинали святую жизнь.

В общинах зазвучали голоса юного поколения. Дети и молодежь прославляли Бога пением и стихами, а также игрой на музыкальных инструментах. Десятки и сотни душ вступали в завет с Господом, присоединяясь к Церкви Христовой. Вместе с тем братья и сестры повсеместно стали подвергаться непомерным штрафам и даже лишались свободы.

1961 год вошел в историю братства как начало массовых гонений. Многие семьи, все еще чувствуя утрату своих родственников, погибших за верность Господу при сталинском культе, снова подверглись репрессиям. Христиане, получившие посмертные реабилитации своих дедов и отцов, вновь шли в залы суда, откуда все тот же «черный ворон» скрывал их от родных и близких на многие годы, а то и навсегда. Сотни братьев и сестер, искренне любящих Господа, были брошены в тюрьмы, сотни детей оставались сиротами при

живых родителях, не говоря уже о бесчисленных штрафах и административных мерах воздействия на верующих по месту работы и учебы.

Мир всегда гнал и будет гнать истинную Церковь Христову, как говорит Библия: «Все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы». Но не могли недруги истины Христовой сломить дух верных Божьих детей. Жертвуя самым необходимым, христиане помогали семьям, оставшимся без кормильцев. Находилось много добровольцев, оставляющих работу на производстве и готовых выполнять любое церковное поручение. В страданиях рождалось и росло новое поколение христианской молодежи, расцветал новый виноградник, распространяя аромат Христова благоухания. Это чудное пробуждение церкви ободряло тех, кто за верность Господу шел в узы. И они нередко говорили:

За пробуждение, что началось в церквах,
За молодежь, ликующую в Боге,
Не страшно жизнь отдать в суровых лагерях
Без всякого сомненья и тревоги.

* * *

Прошло тринадцать лет. Гонимая церковь рабочего поселка, который к этому времени вырос в небольшой город, стала содействовать пробуждению евангельско-баптистских общин в Донбассе. Многие братья и сестры из общин ВСЕХБ, которые дорожили истиной Божьей, приезжали за советом к Якову Романовичу. При всех материальных трудностях и занятости в местной церкви, он уделял время каждому, ободрял, призывал укреплять дрожащие колена и смело вставать в строй борцов за истину.

Ревностное служение Господу в церквах пробужденного братства благотворно влияло на тех, кто, не решаясь порвать со ВСЕХБ, желал все же оживить служение в своих зарегистрированных общинах, невзирая на ограничения и запреты. Во многих общинах ВСЕХБ опять появилась молодежь. Участвуя в многочисленных молодежных общениях, которые

организовывались гонимым братством, она стала близка по духу к пробужденному братству. Некоторые служители зарегистрированных общин, не понимая до конца сущности разделения, ревновали о деле Божьем и делали все возможное, чтобы служение в их общинах совершалось не по положению о культах, а по Слову Божьему. Видя массовый отход верующих от ВСЕХБ, атеистические власти уже не могли ограничить служение в этих общинах и решили лучше на время закрыть глаза на некоторые нарушения законодательства о культах, чем видеть эти общины в братстве Совета церквей.

Таким образом, страданиями верных детей Божьих была куплена относительная свобода служения Господу и в общинах ВСЕХБ.

Неузнаваемо преобразилась за эти годы и церковь шахтерского городка, да и сам Яков Романович приобрел богатый духовный опыт, совершая труд не только в своей церкви, но и в других общинах, куда его приглашали для разрешения сложных вопросов. Один Господь знает, сколько молитв вознеслось о нем к престолу милости и благодати! Сколько новозаветных Анн просило Господа, чтобы Он сохранил Якова Романовича от падения, уклонения и компромисса с миром! Много раз его штрафовали, и только благодаря помощи братьев и сестер, смог он поднять на ноги семерых детей. Для своей семьи у Якова Романовича оставалось слишком мало времени. Дом их строился несколько лет, и если бы Господь не побудил молодых братьев закончить стройку, то, наверное, так и остался бы недостроенным.

Среди трудящейся молодежи всегда были дети Михаила и Надежды Елисейченко. Теперь они жили в своем доме, отдельно от Родиных. Кроме трех первых сыновей и Любочки, Бог благословил их еще сыном и дочерью.

Любочка подросла. Она радовала своих родителей трудолюбием, послушанием и чудесными гимнами, которые звонко и неумолчно пела во славу Господа.

Глава двенадцатая

На второе мая было намечено большое евангелизационное общение, к которому община под руководством Якова Романовича готовилась со всей ответственностью. За это время число членов их церкви увеличилось в восемь раз. Теперь, кроме основного хора, здесь был еще и молодежный, в котором насчитывалось более семидесяти хористов и музыкантов. Организатором молодежного хора и оркестра был недавно обратившийся к Господу профессиональный музыкант. Оставив путь искания славы человеческой, он отдал свое сердце Господу и посвятил Ему на служение свои таланты.

Три дня перед общением почти вся церковь провела в посте и молитвах. Все горели желанием видеть пробуждение не только у себя в городе, но и в других местах.

Утро второго мая выдалось удивительно прекрасным. Безоблачное небо, освещенное лучами восходящего солнца, так ласкало своей синевой, что хотелось все оставить на этой бренной земле и улететь туда, высоко-высоко, где обитают бесплотные небожители.

В это утро Любочка проснулась раньше обычного. С наслаждением вдыхая утренний воздух, она вышла в сад, благоухающий весенними ароматами. Любимым ее местом была беседка под огромными вишнями, обсаженная тюльпанами. Любочка машинально пошла туда, любуясь неподражаемой красотой Божьего творения. Цвет вишен в этом году был настолько обилен, что, казалось, кто-то надел на деревья белоснежную фату, покрытую множеством изумрудов, переливающихся в лучах восходящего солнца сказочными цветами. Тюльпаны приветствовали новый день, раскрывая свои разноцветные бутоны. В гармонию цветения вплетались трели жаворонков, искусные переливы скворцов и бесхитростное щебетание воробьев.

— Господи, какая красота! — прошептала Любочка.

Ее душа невольно устремилась к Творцу, о Котором в последнее время Любочка так часто думала. Она склонила колени и замерла. Мысль, что она до сих пор не отдалась

Господу, пронзила сердце и вызвала жгучую боль.

«Почему я до сих пор не покаялась? — снова и снова спрашивала себя Любочка.— Уже два раза на собрании у меня было сильное побуждение попросить прощения... Господи, я хочу быть с Тобой! — стала она мысленно молиться.— Помоги мне сегодня покаяться на общении! Я не могу жить без Тебя и не хочу больше ждать, когда мои старшие братья покаются. Я хочу быть всегда с Тобой, Иисус...»

С твердым решением сегодня же отдать свое сердце Господу Любочка вернулась в дом. Все еще спали. Не только на кровати, но и на диване, и на полу — везде, где только можно, отдыхали прибывшие на общение гости.

* * *

Молодежи было так много, что пришлось вынести из молитвенного дома все скамейки. Органы власти, хотя и знали о намеченном общении, на этот раз решили не прибегать к насильственным методам разгона. Из опыта они уже знали, что рожденная в бурях христианская молодежь, невзирая на угрозы, все равно будет проводить служение даже под открытым небом.

Под видом слушателей на общение прибыла группа учителей. Им было дано задание собрать материал для статьи в газету и выявить активных участников.

Ровно в десять часов, когда не только дом и веранда были заполнены, но и под окнами стояло много слушателей, Яков Романович призвал благословение Господа на предстоящее общение. Его голос, благодаря усилительной установке, был хорошо слышен и во дворе. После молитвы он предложил спеть традиционный гимн христианской молодежи «Привет вам, Христово цветущее племя».

Этот гимн написал Н. П. Храпов, многолетний узник и изгнанник за имя Господа. Он отбыл в заключении почти тридцать лет и перешел к Господу с тюремных нар.

Зазвенели струны в оркестровом вступлении, и вся масса христианской молодежи громко запела:

Привет вам, Христово цветущее племя,
Рожденное в бурях великой судьбой!
Вас грозно встречает последнее время,
Зовет на последний решительный бой!

В 1960 году, когда состояние церквей вызывало тревогу у стремящихся к истине, у христианской молодежи возникло стремление к личному освящению и самоотверженному служению Господу. С этой целью наиболее ревностные молодые братья решили созвать совещание для обсуждения насущных вопросов. Это был, по сути, съезд христианской молодежи. Николай Петрович Храпов, не имея возможности присутствовать на этом съезде, горячо молился о нем Господу. Ночью, накануне съезда, он вдруг проснулся. Мысли и чувства буквально нахлынули на него. Не медля ни минуты, он стал записывать строки будущего гимна, рождающиеся в его сердце. Утром Николай Петрович облек записанное в нужную форму и посвятил новое стихотворение съезду христианской молодежи. Через некоторое время на эти слова была написана музыка, и с тех пор почти на всех общениях молодежь стала петь этот гимн. За это стихотворение и еще за некоторые другие автор был приговорен к семи годам лишения свободы по политической статье.

Прекрасные слова гимна, призывающие к полной самоотдаче Господу, и волнующая музыка настолько воодушевляли молодежь, что, казалось, каждый был готов хоть сейчас страдать за Господа.

Сегодня сердца молодые пусть будут
В биенье одном на груди у Христа,
А завтра, быть может, кого и поднимут
Толпой разъяренной на древо креста...

Затем молодой проповедник обратился к тем, кто еще не встретился с Иисусом. Он призывал найти мир у Его ног, заканчивая проповедь словами Апостола Павла: «Итак, мы — посланники от имени Христова, и как бы Сам Бог увещает через нас, от имени Христова просим: примиритесь с Богом».

Любочка стояла недалеко от кафедры и жадно ловила каждое слово. Ее сердце то трепетно билось, обдавая жаром

все тело, то замирало от желания отдаться Господу.

«Боже, помоги мне сегодня первой покаяться! — мысленно молилась она.— Ты видишь, что я хочу быть с Тобой и служить Тебе! Мне так хочется прославлять Тебя пением в хоре! Помоги мне открыть уста для покаяния!..» Она хотела выйти к кафедре, но какая-то невидимая сила удерживала ее. В этот момент с веранды раздался старческий голос:

— Пропустите меня, люди добрые! Прошу вас, выслушайте старого человека!

К кафедре подошел, опираясь на посох, совершенно седой старец. Среди хористов пронесся тихий шепот:

— Потапыч...

Да, это был Потапыч. Он сильно постарел, осунулся. Посох стал его постоянным спутником.

Родины уже потеряли надежду на обращение Потапыча, но Михаил все еще продолжал молиться за него. Как-то раз, в пятницу, Потапыч пришел на служение, но к призыву покаяться остался, казалось, совершенно глухим. После этого он несколько раз приходил в воскресенье, а потом вообще перестал ходить. Когда здоровье Потапыча стало сильно сдавать, он сказал посетившему его Михаилу:

— Конец мой, Миша, подходит... Ты помолись за меня, авось простит Бог мои грехи по твоей молитве!

— Нет, Потапыч, Бог хочет слышать ваше раскаяние, и сделать это за вас никто не имеет права!

Тогда-то Михаилу и пришла мысль пригласить Потапыча на евангелизационное общение: может, вид христианской молодежи возбудит в нем желание покаяться хотя бы в конце жизни. Заручившись согласием старца, Михаил второго мая приехал за ним на мотоцикле с коляской, привез на общение и усадил на веранде. Очевидно, душа Потапыча вполне созрела для покаяния, и он вышел без особых приглашений.

— Дети мои, внуки мои, дорогая молодежь! — срывающимся голосом заговорил Потапыч.— Перед вами дряхлый старик, бывший когда-то молодым. Я мог посвятить свою юность Иисусу, но не сделал этого... И вот уже на могильном пороге, при виде вас, вся моя внутренность взволновалась,

а совесть, как огненный меч, пронзила душу. Милые мои, какие вы счастливые, что посвятили юность Христу. Я же прожил жизнь совершенно напрасно... Господи Иисусе Христе,— зарыдал он, тяжело упав на оба колена,— прости меня, несчастного, жалкого грешника!..

Посох Потапыча гулко стукнул о пол и вывел из оцепенения притихшую молодежь. Исповедание старца для всех было неожиданным.

— Благодарю Тебя, Иисус, Страдалец мой,— продолжал Потапыч,— что Ты не дал мне умереть без покаяния! Чем я воздам Тебе, Владыко Боже?! Вместо цветущей юности, я принес Тебе одни отрепья!..

Закрыв лицо руками, Потапыч горько рыдал.

Первая душа на этом общении нашла мир у ног Иисуса. Благодарственные молитвы полились к Господу мощным потоком, но все невольно смолкли перед громкой молитвой Михаила, который не мог сдержать слов благодарности Господу и дал место своим чувствам и могучему голосу. Он благодарил Бога за услышанную многолетнюю молитву.

Яков Романович тоже помолился, затем поприветствовал Потапыча и попросил хористов спеть куплет из гимна «Радостную песнь воспойте в небесах».

Сияющим взором обвел Потапыч присутствующих. «О, если бы я мог вернуть хотя бы пару десятков лет!..» — подумал он, и слезы опять потекли по его морщинистому лицу.

Силы оставили Потапыча. Он попросил, чтобы его отвезли домой. В дверях он остановился, помахал на прощание рукой и, низко поклонившись, вышел. Вероятно, он чувствовал, что эта первая встреча с христианской молодежью для него будет и последней.

На собрание Потапыч больше ни разу не смог прийти, так как болезнь приковала его к постели. Он не роптал, но иногда говорил братьям: «За грехи мои я достоин страдать во много раз сильнее». Несколько раз Потапыч заговаривал о крещении, но подняться с постели так и не смог и вскоре отошел в вечность. Бог дал ему время покаяться, исторгнув его как бы из огня, но принять крещение по вере и стать

членом Церкви Христовой ему не удалось. Благоприятное время было упущено...

Одним мгновением пролетело три часа. Вдохновенные проповеди сменялись стройным пением соло, дуэтов, хора. Утомления не чувствовалось, хотя все стояли и в помещении было довольно душно. Дух Святой трудился в сердцах молодежи, и многие, слушая Слово Божье и призывы посвятить свою жизнь Богу, были готовы к покаянию.

Под тихое пение гимна «Неужели, не приняв Христа, ты уйдешь?» Яков Романович пригласил к кафедре всех желающих сбросить с себя греховное бремя и получить прощение у ног Иисуса.

— Придите к Нему такими, какие вы есть! — призывал он.— Не старайтесь сделать себя лучше, это у вас все равно не получится. Предоставьте Христу возможность преобразить вас, и Он сделает это, подарив вам новое сердце. Скажите Ему: «Таков, как есть, слепой и бедный, добра не находя в себе, за верой, зреньем и прощеньем, Христос, я прихожу к Тебе!»

Двое юношей прошли вперед и один за другим опустились на колени. Признавая себя грешниками, они просили прощения у Господа. Вслед за ними, едва сдерживая рыдания, преклонила колени девушка.

Вдруг к кафедре подошла высокая женщина лет тридцати. Накрашенные губы, брови и ресницы, прическа и богатая одежда — все говорило о том, что она из высших кругов общества. Яков Романович понял, что это была одна из учителей, посланных властями на общение.

— Что вы желаете? — спросил он.

— Я хочу знать,— взволнованно заговорила учительница,— может ли Христос простить такую грешницу, как я?

— Безусловно! — ответил Яков Романович.— Слово Божье дает предельно ясный ответ на ваш вопрос: «Если будут грехи ваши, как багряное,— как снег убелю; если будут красны, как пурпур,— как во́лну убелю».

— В таком случае я прошу вас помолиться за меня,— обратилась учительница к Якову Романовичу.— Я преподаватель, здесь мои коллеги... Мне стыдно перед ними, но я

больше не могу терпеть... Такого состояния я еще никогда не испытывала: кажется, душа моя вывернулась сегодня наизнанку. У меня была верующая мама, от которой я в свое время отреклась из-за ее убеждений... О Боже, сколько я нагрешила! Помолитесь за меня, прошу вас!

— Мы обязательно помолимся,— преодолевая волнение, пообещал Яков Романович.— Только наши молитвы не дадут вам прощения грехов, они могут лишь побудить вас к личной молитве покаяния. Вам нужно самой обратиться к Богу и верой принять от Него прощение. Преклонитесь перед Ним, скажите Ему все, что есть на сердце, и Он помилует вас!

Воцарилась тишина. Человеческая душа находилась в смертельной схватке с силами ада, не дающими ей открыть уста и призвать имя Господа. Кто-то начал тихо молиться...

Учительница медленно опустилась на колени. По ее щекам потекли черные ручьи.

— Господи, прости меня! — произнесла она с огромным усилием.— Я недостойна припасть к Твоим ногам, потому что Ты — святой, а я вся в греховной проказе... Если Ты простишь мне все мои грехи, простишь за то, что причинила Тебе страшные раны, за то, что свела в могилу милую мамочку... то все оставшиеся дни моей жизни я буду служить Тебе. Такая, как есть, грешница, я прихожу к Тебе, Иисус. Прости меня!.. Аминь.

Невыразимый восторг охватил присутствующих. Ведь сила Крови Христовой разорвала сети лукавого, который годами удерживал душу, чтобы для нее не воссиял свет благодати Христовой! Победа совершилась.

— «Приветствуем сердца решенье, поспешно нам руку давай, и вместе пойдем в единенье в тот славный, обещанный край!» — запел хор.

Смущенная учительница вытирала слезы и, глядя на почерневший платочек, сказала:

— Вся моя жизнь такая, как эти черные слезы. Но верю, что Господь простил мне все мои грехи. Пусть же никогда косметика не коснется моего лица, чтобы и слезы и вся последующая жизнь были чистыми!

— Какая низость! — раздался зычный голос завуча школы, стоявшего у двери.— Человек — это великолепно, это звучит гордо! Вы унизили свое человеческое и педагогическое достоинство!.. Какой позор!

Он поспешно вышел, а за ним так же торопливо покинули зал его возмущенные коллеги.

Это нисколько не смутило присутствующих и не сказалось на ходе общения. Дух Святой продолжал действовать.

Яков Романович вновь обратился к молодежи:

— Дорогие друзья, Иисус Христос так возлюбил погрязшее во грехах человечество, что ради его спасения оставил славу небес, смирил Себя и, придя на землю, умер за нечестивых. Может, кто-то из вас хочет откликнуться на нежный зов Спасителя, но не в силах победить стыд или страх, который вселяет в вас враг души нашей? Противостаньте ему! Не обрекайте себя на страдания и никчемную жизнь без Бога, ведь только во Христе ваше счастье!

Господь сегодня зовет каждого из вас, Он хочет, чтобы свое сердце вы вверили только Ему. Христос не будет вторгаться в него и насильно порабощать, как это делает дьявол. Христос только стучит в дверь сердца и нежно зовет, предлагая Свой мир и покой.

Дорогой друг, возможно, ты рассчитываешь обратиться к Господу позднее. В таком случае лучшие дни своей юности ты не сможешь посвятить Иисусу, дьявол обкрадет тебя, и ты будешь горько сожалеть, что для Христа оставил только ветхую старость. Притом, отвергнув сейчас голос Духа Святого, ты в старости можешь лишиться возможности обратиться к Господу. Отдай Иисусу свое сердце, пока не поздно!

После этого призыва покаялось еще несколько человек. И снова зазвучал гимн «Радостную песнь воспойте в небесах». Он вновь и вновь возвещал о том, что для вечности родились новые души.

Общение подходило к концу. Яков Романович предложил покаявшимся еще раз подойти к кафедре. Вышли все, кроме Потапыча. Вручая им на память открытки со стихами из Священного Писания, Яков Романович каждого спрашивал,

получил ли он прощение грехов. Большинство отвечали утвердительно, а за тех, кто не был уверен, еще раз совершалась молитва.

Затем братья подарили Евангелие тем, у кого не было этой книги, а остальные получили или сборник духовных песен, или же назидательную брошюру. После этого все покаявшиеся преклонили колени, а служители вместе с Яковом Романовичем, подняв над ними руки, совершили молитву. Они просили Бога благословить первые шаги этих духовных младенцев и сохранить их от всех напастей и козней лукавого.

— Дорогие, вы теперь братья и сестры по вере в Иисуса Христа,— радостно сказал Яков Романович после молитвы.— Может, вы раньше никогда не встречались и были совершенно чужими, а теперь Господь сроднил вас в одну семью! Будем же приветствовать друг друга!

Со слезами радости новообращенные приветствовали друг друга. Потом Яков Романович еще раз обратился к тем, кто так и не смог покаяться, и попросил хор спеть последний псалом.

Отзвучал благовестника истины глас.
Благодарность и радость в сердцах.
Заключительный гимн хор исполнит сейчас.
Почему же ты, друг мой, в слезах?

Почему же опять не раскаялся ты?
Испытав столько горя и слез,
Возвращаешься вновь в океан суеты?
О тебе горько плачет Христос!

О, не будь же безмолвен, беспечен и горд,
Сердца дверь не замедли открыть!
Может быть, под последний минорный аккорд
Оборвется твоей жизни нить...

В глубоком раздумье стояла Любочка, слушая пение хора.

«Это для меня поют,— подумала она.— Почему же я не покаялась? Хотела первой обратиться к Господу, а вот уже последний гимн звучит... Сколько раз сегодня звучал призыв, а меня словно кто-то заморозил. Неужели я так и не покаюсь?! Вот сейчас хор споет последний куплет, и я пойду...»

Иисуса сегодня принять поспеши,
Грех Ему исповедуй в слезах.
Счастье, радость и мир обретешь для души
И блаженный покой в небесах!

«Господи, почему же я до сих пор медлю?! — терзалась Любочка.— Всегда считала, что покаяться очень просто: вышла, помолилась — вот и все, а оказывается... Хотя бы еще кто-нибудь вышел, тогда мне легче было бы решиться... А вдруг Яков Романович больше не пригласит к покаянию, а просто закончит собрание молитвой?.. Столько времени я ждала это общение, и вот оно заканчивается... Последний раз сейчас прозвучит припев... Если я не покаюсь, что тогда? О, если бы кто-то помог мне!.. Кажется, я сейчас потеряю сознание...»

Хор последний раз пел припев:

Еще можешь теперь покаянье принесть,
И тебя, друг, достигла спасения весть!
Голос нежный тебя неумолчно зовет:
«Сын Мой, сердце отдай Мне твое!»

Тенора, поддержанные всем хором, повинуясь властному жесту регента, на фортиссимо взяли верхнюю *соль*, и воцарилась тишина.

— Господи, помоги мне, я же погибаю! — отчетливо прозвучал голос Любочки.— Братья и сестры, помолитесь за меня, чтобы я могла покаяться! Мне кажется, меня кто-то держит, а мне так хочется примириться с Господом!

Надя Любимова сразу же стала молиться за Любочку. Будучи членом церкви, она уже давно молилась об обращении подруги. Услышав знакомый голос, Любочка почувствовала прилив духовных сил. Она очень любила эту сестру и стремилась быть похожей на нее. Любочка направилась к кафедре. Желание получить прощение грехов и новое, чистое сердце было настолько сильным, что она не дождалась конца молитвы Нади и громко воззвала к Господу.

Зал затих.

Это была необыкновенная молитва. Сочетание неподдельной, почти детской искренности с глубоким сознанием

греховности и твердая вера в прощение грехов произвели неизгладимое впечатление на присутствующих. Это было памятное для всех покаяние — не минутный прилив чувств, а совершенно сознательное стремление к Владыке жизни, без Которого эта трепетная душа, дышащая прелестью ранней юности, не мыслила жизни.

Невыразимое счастье наполнило сердце Любочки, когда Яков Романович поздравлял ее с днем обращения к Господу. Искренне разделяя радость юной сестры, служитель подарил ей новенькое Евангелие и открытку с изображением пастыря, несущего на руках овечку. Любочка была до того растрогана, что снова опустилась на колени.

— Мой Иисус,— молилась она,— как я желала быть Твоей! Благодарю Тебя, что Ты принял меня! Я не знаю, есть ли на земле еще бóльшая радость, чем та, которую Ты мне сегодня подарил! Не оставляй меня, мой Спаситель! Я хочу быть послушной овечкой в Твоем стаде! Свое сердце, разум, свой голос и все-все, что Ты дал мне, я посвящаю Тебе, мой Иисус! Хочу жить и дышать только Тобой! Помоги мне исполнить Твою волю здесь, на земле...

В этот момент Любочка мало была похожа на тринадцатилетнюю девочку. Ее зрелая молитва свидетельствовала о возрождении души и искреннем желании отдаться Господу на все дни своей жизни.

Глава тринадцатая

Для Любочки началась новая жизнь. Хотя она и раньше любила собрания, рассказывала стихи и пела гимны, но все же не так, как сейчас. Детские игры и забавы перестали ее интересовать. Как и отец, она отличалась жизнерадостностью и полностью отдавалась любимому делу.

Получив Евангелие, Любочка не разлучалась с ним и даже брала в школу. Читая Слово Божье, она всеми силами старалась исполнять все, что понимала. Раньше Любочка смущалась задавать учителям вопросы, касавшиеся сотворения

мира, развития жизни и веры в Бога, но теперь, твердо убежденная, что все исходит от Бога, Им управляется и к Нему идет,— она не только говорила об этом, но и смело защищала свои убеждения. Некоторые учителя ожесточились и стали называть ее фанатичкой, другие — наоборот, полюбили за искренность, любознательность и правдивость.

Теперь каждый новый день Любочка начинала с чтения Евангелия и молитвы. Молодежь приняла ее в свой дружный кружок, и там она нашла применение всем своим талантам.

Обладая прекрасными музыкальными способностями, Любочка играла на нескольких инструментах. В ее руках гитара, мандолина, аккордеон и даже скрипка делались послушными орудиями для прославления Бога. Вскоре исполнилась еще одна сокровенная мечта Любочки — ее приняли в молодежный хор, в группу альтов. Ее сильный голос, с большим диапазоном и в то же время очень тембристый, вполне позволял петь соло в хоре.

Раньше Любочка пела, не задумываясь над словами, а увлекаясь только мелодией, теперь же стихотворный текст стал для нее основой гимна, на которой, как на канве, были вышиты прекрасные цветы мелодических оборотов в гармоническом обрамлении.

Любочка уже сама писала стихи и подбирала к ним мелодии, но не была еще удовлетворена ими, так как они не вполне выражали ту любовь к Иисусу, которая переполняла ее юное сердце. Несколько раз она давала себе слово, что оставит это занятие, но снова и снова нарушала обет, потому что чувство восхищения делами Создателя, желание отблагодарить Христа за Его подвиг спасения опять заставляли ее в порыве вдохновения браться за перо. У Любочки еще не получались совершенные стихи и музыка, но не писать она уже не могла и молилась, чтобы Господь, если на то есть Его воля, усовершил ее дар.

Пела Любочка везде: и дома, и в транспорте, и просто по дороге из школы. Для нее пение об Иисусе было потребностью, и она делала это так же естественно, как дышала. Бывало, в автобусе кто-нибудь прикажет ей замолчать, а она

посмотрит на него удивленно и, извиняясь, скажет с детской искренней улыбкой, что не петь об Иисусе, искупившем ее грехи, она не может. И опять зазвучит гитара нежными переборами, и польется девичий напев, возвещая о любви Христа.

* * *

Церковь возрастала в благодати. Молодежный хор, впервые принявший участие в евангелизационном общении второго мая, теперь пел каждое первое воскресенье месяца. Освоив репертуар хора и изучив оркестровую партию скрипки, Любочка стала, как говорится, душой хора. Она не пропускала ни одной спевки, ни одной сыгровки, стремясь всеми своими способностями прославить Бога.

Хор уже хорошо исполнял гимны, и церкви близлежащих городов и поселков стали приглашать его для проведения богослужений. Даже зарегистрированные общины, расположенные к братству Совета церквей, приглашали хор и давали братьям возможность проводить служение не два часа, как у них принято, а до трех часов и более.

Особенно памятным для молодежного хора осталось посещение общины ВСЕХБ, где Яков Романович раньше был помощником пресвитера. Председатель церковного совета, при котором произошел раскол общины, умер. Пресвитер-старец уже не мог посещать собрания, и на его место был избран новый служитель, бывший диакон общины.

После разделения церковь приходила все в худшее состояние: детей почти не было, молодежи осталось совсем мало. Хотя в общине были ревновавшие о деле Божьем братья и сестры, но успеха было мало, потому что сама система ВСЕХБ, контролируемая атеистами, не давала возможности расти молодому винограднику в церкви.

О приезде молодежного хора братья решили не ставить в известность руководство общины. За час до служения, прибыв в полном составе, хористы стояли во дворе дома молитвы. С ними приехал седовласый благовестник. Он знал многих, оставшихся в общине старцев и стариц. Некоторые из

них всей душой желали быть с пробужденным братством, но не могли сменить место жительства, а идти открыто на разрыв с оставившими узкий путь не решались.

Увидев большую группу молодежи, старушки сначала удивились, а потом стали присматриваться и узнавать тех, кто тринадцать лет назад рассказывал стихи и пел гимны в их молитвенном доме.

Руководящие братья тоже удивились при виде молодежи, но когда благовестник объяснил им, что молодежный хор желает прославить Господа, они разрешили спеть несколько гимнов во время богослужения. И еще старец попросил дать молодым братьям возможность проповедовать. После долгих рассуждений служители, отбросив страх перед власть имущими, разрешили.

Вместе с молодежью в молитвенный дом вселилась какая-то особая торжественность. Казалось, посветлело в зале. Лица пожилых озаряла приветливая улыбка. Они узнавали в молодых хористах детей тех братьев и сестер, которые раньше были членами их церкви. Сердца наполняла радость. Прошедшие годы ясно показали, что Господь обильно благословил тех, кто остался Ему верен. Поистине, Он сделал безмолвным врага и мстителя.

Так приезд молодежного хора был своеобразной проповедью для тех, кто однажды поступился своей верностью Богу. Теперь они со слезами умиления смотрели на левитов Нового Завета, готовых юными голосами прославить Господа.

Два часа, которыми обычно регламентируется служение в общинах ВСЕХБ, прошли незаметно. Пламенные проповеди молодых братьев радовали сердца. Примеры из жизни страдающего за истину братства заставляли многих глубоко задуматься о своем хождении перед Господом.

Хористов снова и снова просили петь. Гимн «Священный огонь» они вынуждены были исполнить четыре раза по просьбе слушающих, которые словно хотели навсегда запомнить такие трогательные слова:

Вот старец больной, сединой убеленный,
Что факел зажженный пронес чрез века,

Обветренный бурей, познавший гоненья,
В бессилье упал у подножья креста.

Но вот подошли к нему новые люди,
В них сила и молодость была видна,
И факел горящий в их крепкие руки
Старик передал, на покой уходя.

Идея и содержание гимна — неразрывный союз отцов и детей, цель которых — пронести знамя любви Христовой через все трудности и незапятнанным передать его грядущему поколению, а может, и Самому Спасителю. У христиан нет и не может быть противоречий между поколениями, потому что единая цель и страдания за имя Господа более и более скрепляют этот духовный союз.

Заканчивая богослужение, старец-благовестник призвал христиан служить Богу со страхом и полной отдачей. Поток горячих молитв устремился к Господу. Если в чьем-то сердце и гнездилась скрытая неприязнь к пробужденному братству, то сейчас этот лед стал расплавляться огнем любви Христовой, которая, объемля всех, звала воспрянуть духом и объединиться в борьбе против различных посягательств на истину Божью. Собрание закончилось дружным пением гимна «За евангельскую веру».

Сердце Якова Романовича ликовало, когда он узнал об этом радостном общении. Но еще больше возрадовался его дух, когда к нему приехал пресвитер этой общины и попросил прощения за непристойные поступки в прошлом. Яков Романович плакал, обнимая старца, который, чувствуя близость перехода в вечность, просил обязательно проводить его в последний путь.

Глава четырнадцатая

Бурно протекала жизнь молодежи. Каждый вечер был предельно занят: то богослужение, то репетиция хора или оркестра, а то и просто физический труд у кого-либо из пожилых единоверцев. Любочка везде принимала самое активное

участие. Полная отдача делу прославления Господа наполняла ее сердце огромной радостью. С большим желанием и ответственностью она выполняла и важные поручения братьев, и самый простой труд, помогая одиноким старикам.

Как-то после уборки картофеля Любочка почувствовала острую боль в левой ноге. Через несколько дней боль утихла, но в ноябре, на уроке физкультуры, вдруг повторилась с новой силой. Любочку прямо с урока отправили в больницу. Врачи не придали серьезного значения непонятным симптомам, считая, что эта боль — следствие ушиба или растяжения мышц.

Когда Любочка уже не могла встать на ногу, ее направили на обследование, и вскоре выяснилось, что страшная болезнь — саркома — начала свое разрушающее действие.

Любочку положили в больницу. Несмотря на сильную боль, она была жизнерадостной и всем свидетельствовала о Христе. Родители, по ее просьбе, принесли гитару, чему врачи не стали препятствовать, зная, что дни больной сочтены. В палате зазвучали христианские гимны. Медсестры и нянечки до слез умилялись, слушая удивительное пение Любочки, и часто сами просили ее что-нибудь спеть.

В одной палате с Любочкой лежала девушка с таким же диагнозом. Звали ее Лена. Любочка много говорила ей об Иисусе Христе, а когда Лена впадала в крайнее уныние, начинала тихо играть на гитаре. Перебирая струны и превозмогая боль, Любочка, улыбаясь, говорила:

— Не плачь, Лена, слезами горю не поможешь. Поверь в Иисуса Христа и не будешь больше отчаиваться. Я ведь тоже смертельно больна, но меня утешает то, что моя судьба в руках Иисуса. Мне совсем не страшно умирать. Давай я тебя научу петь мой любимый гимн «Край чудесный нас ждет там, на небе»!

Научив Лену петь первым голосом, Люба перешла на альт. Позднее медсестры и нянечки рассказывали:

— Мы подолгу не могли отойти от палаты. Станем за дверью и слушаем, как две умирающие девочки поют: «Край чудесный нас ждет там на небе». А что нас ждет? Слушаем и слезами заливаемся...

Когда боли у Любочки стали невыносимыми, врачи сказали Михаилу и Надежде, что необходимо ампутировать ногу выше колена, потому что болезнь начала поражать здоровую ткань. После некоторых колебаний, видя нестерпимые страдания, от которых Любочка иной раз закрывала рот одеялом, чтобы не было слышно ее стонов, родители согласились на ампутацию.

С глубоким волнением церковь следила за самочувствием Любочки и постоянно молилась, чтобы Господь укрепил ее и помог переносить боли. Через несколько месяцев здоровье Любочки немного улучшилось и ее выписали домой. Хотя операционная рана не затягивалась и болезнь говорила сама за себя, Любочка не унывала. Она горячо молилась Богу и даже утешала скорбящих родных.

Когда родители приобрели специальную коляску и Любочка научилась ходить на костылях, они все вместе поехали на богослужение.

Тихо в молитвенном доме перед началом утреннего собрания. Через раскрытые двери и окна проникает майский аромат цветущих садов. Старички собираются пораньше, чтобы побеседовать друг с другом и спеть несколько любимых гимнов. За полчаса до начала служения Яков Романович обычно начинает читать вслух какую-нибудь назидательную книгу.

Весть о том, что Любочка будет на собрании, быстро облетела всех. Молодежь ждала ее во дворе.

Вот в начале улицы показалась коляска, которую катили Вера и Надя Любимовы. Подъехав к дому, они помогли Любочке встать, подали костыли и, поддерживая, повели в зал.

Как только Любочка показалась в дверях, Яков Романович поднял голову и невольно прекратил чтение. Воцарилась глубокая тишина. Каким диссонансом в гармонию этой тишины ворвались глухие удары костылей!

С улыбкой на бледном лице Любочка медленно вошла в зал. На ней было белое платье, которое вместе с белыми бантами еще больше оттеняло бледность ее лица и придавало вид какой-то особой, святой чистоты.

— Приветствую вас, братья и сестры! — тихо сказала

она.— Благодарю вас за молитвы! Как я рада, что Господь дал возможность еще раз прийти сюда!

Склонив голову, Любочка коротко помолилась и села между Надей и Верой. Опять наступила тишина. Старушки украдкой смахивали слезы. Яков Романович предложил спеть псалом перед началом богослужения.

Присутствие Любочки невольно отразилось на всем ходе служения. Чувствовалось какое-то особое благоговение.

Перед заключительной проповедью Любочка выразила желание рассказать стихотворение. Это было не обычное стихотворение, а исповедь души, рано познавшей тяжесть страданий. Но эти страдания не наложили на нее оттенка трагической безысходности, а, наоборот, приблизили к Господу, дали возможность рано познать блаженство, заключающееся в полной отдаче Богу.

В каждое слово стихотворения Любочка вкладывала такой глубокий смысл, что присутствующие, восхищаясь духовной зрелостью этой юной души, невольно заглядывали в тайники своего сердца и проверяли себя.

Мне четырнадцать лет. Открываю уста,
Чтобы в кратких словах передать,
Как всем сердцем люблю я страдальца Христа,
Даровавшего мне благодать.

Я смотрю на Голгофу. Мой взор полон слез,
Я готова сейчас зарыдать:
На ужасном кресте мой прекрасный Христос
Должен был за мой грех умирать!

Здесь Любочка остановилась. Крупные слезы катились по ее щекам, взор устремился ввысь. Сколько неподдельного смирения и благоговения перед ликом страдающего Спасителя, сколько любви и нежности выражал ее облик! Казалось, в этот миг она действительно видела своего Спасителя, обнимая Его пронзенные ноги.

Припадаю с мольбою к священным стопам,
Сердце трепетно бьется в груди.
За меня Кровь святая стекала из ран,
И уста тихо шепчут: «Прости!»

Беседуя со служителем, Любочка свидетельствовала, что невыносимая боль перед ампутацией ноги невольно заставила ее спросить себя: «А как Христу было больно, когда Его руки и ноги прибили ко кресту?!» Глубокое сознание своей вины перед Богом и отвращение ко греху побудили ее еще раз склониться перед Иисусом и просить у Него прощения. После этой молитвы страх перед смертью совершенно исчез, а невыразимая радость спасения наполнила сердце.

Далее шли слова, которыми Любочка выражала свою преданность Господу и желание служить Ему.

Благодарность прими, Искупитель Христос.
Пред Тобой преклоняюсь в мольбе.
На Голгофе решен моей жизни вопрос.
Я всю жизнь посвящаю Тебе!

В конце собрания, раскаиваясь в своих грехах, один юноша молился:

— Господи, какой я негодный! Имея здоровье и все необходимое, я до сих пор даже спасибо Тебе ни разу не сказал! Прости меня, грешника!

Любочка вновь активно включилась в жизнь молодежи. Целый месяц она усиленно занималась, играла на скрипке, и ее снова приняли в струнный оркестр. Желание трудиться для Господа и прославлять Его имя было так велико, что она забывала о своем физическом недостатке. Любочка мечтала о протезе, который дал бы ей возможность передвигаться без костылей. Но это только в том случае, если рана затянется.

Родители Любочки тоже немного воспрянули духом. Хотя они знали, что саркома — смертельная болезнь, но им очень хотелось верить, что их дочь будет жить.

Глава пятнадцатая

Особо радостным событием для церкви является прием новых членов. На этот раз более тридцати человек заявили о желании вступить в завет с Господом через водное крещение. Уже четыре раза собиралось членское собрание для

испытания желающих принять крещение.

Испытание проходило со всей строгостью, потому что в истинной Церкви Иисуса Христа должны быть только возрожденные души. Испытываемых вызывали на членское собрание по одному и задавали им самые разные вопросы. По ответам, по свидетельству родных и близких, а также по молитве новообращенного можно было судить о его возрождении. После вопросов желающего принять крещение высылали из зала вместе с близкими родственниками и рассуждали, можно ли принимать его в церковь.

С каким трепетом ожидалось это решение! Многие после говорили, что никогда в жизни не испытывали такого волнения.

Рождение свыше, искреннее желание быть в Церкви Иисуса Христа и чистое сердце — вот главные требования, которые предъявляются к испытываемым.

Двадцать семь человек прошли испытание и были допущены до крещения. Остальным братья указали на некоторые недочеты, требующие исправления, и пожелали им устранить все препятствия и стать полноправными членами Церкви Христовой.

Яков Романович уже хотел закончить членское собрание, как вдруг дверь медленно отворилась и на пороге появилась Любочка. На этот раз, вместо улыбки, ее лицо выражало испуг.

— Что случилось, Люба? — насторожился Яков Романович.

Любочка опустила голову. По ее щекам текли слезы. Она хотела смахнуть их, и в это время костыль выскользнул и, неприятно стукнув, упал. Несколько рук потянулось, чтобы поддержать Любочку.

— Что случилось, Люба? — встревоженно переспросил пресвитер.

— Братья и сестры,— тихо заговорила она, немного успокоившись,— я тоже хочу принять крещение...

Она хотела еще что-то сказать, но слезы помешали ей. Все притихли. Никто не ожидал такого заявления, даже ее родители были удивлены. Оказывается, Любочка, узнав об

испытании, упросила своего брата довезти ее на коляске до молитвенного дома.

Это было сознательное стремление возрожденной души к своему Спасителю. Но как преподать ей крещение, когда рана не затягивается? Яков Романович не знал, что ответить.

Молчание прервала Надежда, мать Любочки. Она стала уговаривать дочь не торопиться, так как ей всего лишь четырнадцать лет, да и здоровье слабое.

— Скоро придет Петя из армии, тогда вместе и примете крещение.

Казалось, это было разумное предложение, и все стали уговаривать Любочку согласиться с ним. Не возражая, она испуганно смотрела на говорящих.

— Что ты скажешь на это, Люба? — спросил служитель.

Любочка немного помолчала, потом тихо сказала, что ей очень трудно согласиться с таким решением, но она готова послушаться. Она задумчиво посмотрела на Якова Романовича и еще раз сказала о своей любви к Господу и о большом желании принять крещение. В спасении она была уверена, но ей хотелось быть членом Церкви Христовой.

— Я бы могла подождать,— продолжила Любочка,— но вдруг Господь придет раньше, чем я смогу принять крещение, или вдруг... Вдруг я умру...

Любочка замолчала. Опустив голову, она плакала. Молчала церковь. Молчал Яков Романович. Из допущенных до крещения многие тоже плакали, переживая за Любочку. Среди них была и Вера Любимова.

— У кого есть вопросы к сестре Любе? — вдруг спросил Яков Романович.

Последовало очень мало вопросов, потому что ни у кого не было сомнения в ее возрождении. Любочку попросили выйти.

— Мы не имеем права отстранять Любу от крещения. Я не могу препятствовать ей в этом,— заявил Яков Романович.— Мы не должны смотреть ни на возраст, ни на запреты врачей, а только на рождение свыше. Предлагаю допустить ее до крещения.

Никто не решился возразить. Все единодушно встали, соглашаясь с предложением пресвитера. Когда Любочка узнала решение церкви, ликованию ее не было границ. В горячей молитве она благодарила Господа, сожалея лишь о том, что не может встать перед Ним на колени.

Глава шестнадцатая

День Пятидесятницы. В народе его называют Троицей. Христиане в этот день вспоминают, как после воскресения Христа Дух Святой нисшел на первоапостольскую церковь и исполнил всех Своей силой. Триединый Бог явил Себя людям как Отец, Сын и Дух Святой.

Первые лучи июньского солнца позолотили гладь «Донецкого Иордана». Природа дышала утренней свежестью. Несмотря на ранний час, почти вся община собралась на берегу. Сегодня обращенные к Богу души будут видимым образом заключать с Ним завет. Все крещаемые, а также служители церкви, переодетые в белые одежды, торжественно выстроились на берегу. Окрестность огласил гимн «Кто, кто сии и Кем облечены?» Затем к крещаемым обратился недавно рукоположенный благовестник. Он напомнил о важности данного момента в жизни каждого чада Божьего.

— Крещение — это обещание Богу доброй совести,— сказал он.— Оно символизирует погребение нашего ветхого человека и воскресение нового для вечной жизни. Небо, вода и церковь являются свидетелями этого акта. Великие благословения в этой жизни и награда в вечности ожидают того, кто останется верным Господу до смерти.

Под пение гимна «Мы у берега земного» крещаемые один за другим подходили к служителям, стоящим в воде. А они, услышав личное свидетельство о вере крещаемого, погружали его в воду во имя Отца, Сына и Святого Духа.

Выйдя из воды, Любочка почувствовала неизъяснимый восторг. Устремив взор в бескрайнюю высь неба, она восторженно сказала поддерживающим ее сестрам:

— Теперь и умереть не страшно...

Когда крещаемые переоделись и вновь собрались на берегу, служители совершили над ними молитву с возложением рук. С этого дня заключившие завет с Господом становились полноправными членами церкви, имеющими право участвовать во внутрицерковной жизни.

В это памятное воскресенье принявшие крещение впервые участвовали в заповеди, установленной Самим Господом. Вкушая хлеб и вино, они возвещали смерть Господа, приобщаясь к Его Телу и Крови.

Каждый день приносил Любочке все новые и новые радости. Она вполне поняла и на себе ощутила исполнение слов Христа: «Я пришел для того, чтобы имели жизнь и имели с избытком».

На следующее воскресенье после крещения Любочка упросила отца повезти ее в соседний город на бракосочетание. Она и раньше была на христианских браках, но сейчас ей все казалось новым. Восхищаясь белоснежным нарядом невесты, Любочка все глубже понимала, что церковь, как невеста, тоже облечена в чистый виссон, то есть Христову праведность. Ее душа ликовала от сознания, что и она теперь является невестой Иисуса Христа.

Браки, как правило, проходили с участием хора и оркестра. Много раз недруги Евангелия запрещали совершать бракосочетания под открытым небом, но, несмотря на запреты, штрафы и тюрьмы, общения проводились. На таких общениях почти всегда присутствовали неверующие, и они могли слышать евангельские наставления о семейной жизни, видеть христианскую молодежь, прославляющую Господа.

Излюбленным местом для проведения бракосочетания обычно был сад. Над кронами фруктовых деревьев натягивали большую палатку, а для жениха с невестой, для родителей, музыкантов и хористов делали помост.

Брачное служение обычно состоит из трех частей. Вначале — призывное богослужение, на котором жених и невеста служат прообразом Христа и Церкви, затем — само бракосочетание. Служитель дает новобрачным наставление из

Слова Божьего и молится над ними с возложением рук.

Христианский брак нерасторжим. В его основе — Божественная любовь. Слово Божье заповедует мужу так любить свою жену, как Христос любит Церковь. А жена — это слава и украшение мужа. Ее задача — повиноваться мужу, любить его и почитать главой.

Третья часть брачного торжества — пир. Это яркое свидетельство того, что настоящая радость возможна только там, где люди в веселии и простоте сердца принимают Божьи дары, благословляя Его как Подателя всех благ. Здесь не нужны алкогольные напитки, потому что Дух Святой дает истинную радость. Распорядитель пира заботится не только об обильном угощении, но главным образом о духовной пище. Стихотворения, музыка, пение, поздравления и пожелания должны назидать слушателей и прославлять Господа.

На этом брачном торжестве Любочка особенно была радостна. Она декламировала стихи, пела соло в сопровождении оркестра и, казалось, совсем забыла о своем тяжелом недуге.

По дороге домой Любочкой овладела неотступная мысль: «Что лучше — выйти замуж и воспитывать детей или же остаться одной, всецело посвятив себя Господу?» В этот вечер она долго читала Библию, молилась, а перед сном обратилась с этим вопросом к матери. Надежда даже смутилась: о какой семейной жизни может быть речь при таком состоянии Любочки, да и лет-то ей так мало! Она попыталась уклониться от ответа, но, глядя в серьезные, испытующие глаза дочери, поняла, что этот вопрос глубоко взволновал ее. Надежда сказала, что посвящающий себя Господу с юных лет и не думающий о семейной жизни избирает благую часть.

Лицо Любочки просияло.

— Я так и думала, мамочка,— оживленно заговорила она,— только немного сомневалась. Мне хочется посвятить Иисусу всю свою жизнь. Последние дни я только и думаю об этом. Какой прекрасный Иисус! Даже не представляю, каким восторгом будет охвачена моя душа, когда я встречусь с Ним, увижу Его раны, из которых текла за меня святая Кровь!

Мать насторожилась. На обычно бледном лице Любочки

играл румянец. Надежде показалось, что такой красивой она ее еще никогда не видела. Ей так захотелось крепко-крепко обнять свою дочурку, прижать к себе и никогда не отпускать. Как она ее любила!

Глядя на румянец на щеках Любочки, в душе матери затеплилась слабая надежда: может, молодой организм одолеет страшную болезнь и она будет жить? Надежда прижала к себе Любочку и вдруг с испугом спросила:

— Уж не жар ли у тебя, доченька?

— Нет,— ответила Любочка.— Сегодня невыразимая радость наполняет мое сердце. Правда, меня немного просквозило, но это пройдет. Давай помолимся, и я пойду спать!

После молитвы Надежда пожелала дочери спокойной ночи и, целуя ее, поняла, что у нее высокая температура.

К утру Любочке стало совсем плохо, и она не смогла встать с постели. Врач предложил отправить ее в больницу, определив воспаление легких.

Больше месяца провела Любочка в больнице, и ее здоровье с каждым днем все ухудшалось, саркома поражала легкие. Лицо и руки стали настолько мертвенно-бледными, что Михаил и Надежда начали готовиться к похоронам. Но Любочка не унывала. Она по-прежнему пела гимны и говорила людям о Христе. Больные очень любили ее, но она чувствовала безмерную тоску по общению с церковью и со слезами просилась домой.

Когда Михаил приехал за ней, она, обняв его, прошептала:

— Папа, только теперь я вполне поняла смысл слов Давида: «К святым, которые на земле, и к дивным Твоим — к ним все желание мое». Господь преподал мне еще один очень ценный урок — дорожить не только часами, но и минутами святого общения с Ним и с Его народом.

Однако попасть на собрание Любочке не удавалось: силы ее слабели, она таяла на глазах. Надя и Вера Любимовы проводили у ее постели дни, а иногда по очереди дежурили ночью. Организм Любочки напряженно боролся со смертельным недугом. На эту борьбу уходили последние силы. Любочка чувствовала себя так слабо, что часто просила сестер

подержать ее руки на весу, ей казалось, что они давят грудь и затрудняют дыхание.

Друзья, навещая Любочку, удивлялись ее терпению и безмерной любви к Господу. Как-то раз в комнату неслышно вошел регент. Он еще не знал, что состояние Любочки безнадежно.

У ее постели было уже несколько человек. Почувствовав, что в помещении душно, регент предложил открыть окно. Свежий воздух ободряюще подействовал на Любочку, и она попросила регента спеть с ней псалом: «Я цвет жизни своей посвящаю Тебе». Играть на гитаре она уже не могла, и Вере пришлось аккомпанировать им.

Тихо зазвучал запев. Любочка старалась этим гимном выразить свое самое сокровенное желание, но голос уже отказывался повиноваться ей. С трудом она спела куплет и, собрав последние силы, запела припев:

Буду петь лишь Тебе, Тебя славить всегда,
В жертву голос я свой посвящу для Тебя!

Это было не просто пение, а крик души, которая стремилась все, что еще оставалось в ее власти, посвятить Тому, с Кем желала быть вечно.

Казалось, что через открытое окно, в зареве заходящего солнца, Любочка видела Того, Кому посвящала эту песнь. Она просила Его не отринуть последней благоухающей жертвы.

Вдруг взгляд регента остановился на лице Любочки. Его пение оборвалось на полуслове. Спазма сдавила горло. Страшная мысль пронзила его сознание...

Беспорядочно теребя свой сюртук, регент выбежал на кухню и упал на кушетку. Его плечи сотрясались от рыданий. Он мысленно прощался с Любочкой...

Неизвестно, что подействовало на Любочку, но с этого времени она стала готовиться к переходу в вечность. Страха перед смертью не было видно на ее лице, взгляд выражал полное согласие с волей Творца. Только иногда, когда смерть набрасывала свою тень на еще один отвоеванный у жизни рубеж, она тихо стонала, взывая к Господу, чтобы Он избавил ее от тяжелых страданий и взял к Себе.

В один из вечеров Любочка позвала родителей и прямо сказала им, что скоро отойдет в вечность. Надежда, всегда старавшаяся скрыть свои слезы, заплакала, а Михаил стал убеждать дочь, что она еще выздоровеет. Но Любочка, глядя отцу в глаза, попросила не тратить время на бесполезные уговоры...

Силы оставили Михаила. Сдерживаться он больше не мог и, схватив дочь в объятия, залился слезами.

— Зачем вы плачете?! — взволнованно спросила Любочка.— Господь ведь приготовил мне лучший удел! Хотя мне очень жаль оставлять вас, но там, в небе, я буду с моим Иисусом, там уже не будет страданий. Туда и вы все скоро придете!..

Весть о безнадежном состоянии Любочки облетела всех членов местной церкви и распространилась далеко в округе. Братья и сестры молились, чтобы Господь облегчил ее страдания и помог сохранить веру в Него до последнего дыхания.

В это время в местной церкви проходили регентские курсы. Это были вторые курсы регентов в братстве. Атеистическое законодательство о религиозных объединениях запрещало подобные мероприятия, поэтому занятия проводились конспиративно. Курсанты заходили в молитвенный дом утром и поздно вечером расходились по квартирам.

Однажды к молитвенному дому с сильным шумом подъехал мотоцикл. Все насторожились, предполагая, что приехала милиция. Железная калитка гулко хлопнула, и через несколько секунд на пороге появился Михаил Елисейченко. Он был очень взволнован.

— Братья и сестры,— заговорил он скороговоркой,— простите за беспокойство! Любочка очень просит, чтобы пришли служители. Она...— голос его сорвался, и почти шепотом он добавил: — Она умирает...

Состояние Любочки поразило пришедших служителей. Она сильно страдала. По-видимому, это была последняя схватка затухающей жизни со смертью. Градусник показывал критическую температуру, но Любочка была в полном сознании.

— Люба,— обратился к ней один из благовестников,— мы

пришли помолиться с тобой. Ты готова сейчас сказать Господу: «Да будет воля Твоя!»?

— Да, братья,— тяжело дыша, ответила она,— я готова. Хочу еще раз вместе с вами помолиться...

Божьи служители вместе с Михаилом склонились на колени у постели умирающей. В это время Надя и Вера с матерью и бабушкой молились в соседней комнате. В последние дни они не отходили от Любочки.

— Господи,— после некоторого молчания произнесла Любочка,— призри на меня с высоты Своих небес! Мне так тяжело, я так устала от страданий!.. Возьми меня скорее к Себе!.. Но если Тебе угодно, чтобы дни мои еще продлились, да будет воля Твоя!..

Молитва братьев заканчивалась теми же словами: «Да будет воля Твоя!» Затем один из служителей спросил:

— Люба, какое твое желание?

Она открыла глаза и, глядя перед собой, тихо сказала:

— Я хочу, чтобы Петя покаялся. Помолитесь за него! Папа, позови, пожалуйста, Петю.

Михаил тотчас позвал сына, вызванного из армии в связи с плохим состоянием Любы. Узнав о желании младшей сестры, Петя стоял, не смея посмотреть ей в глаза. Воцарилось неловкое молчание.

— Петя, неужели ты не хочешь быть с Иисусом? — тихо спросила Любочка.

Ее глаза увлажнились. Вместо ответа Петя порывисто упал на колени и горько зарыдал. Он очень любил свою сестренку и не мог согласиться с ее смертью. Некоторое время слышались его рыдания, потом из глубины души вырвались слова:

— Господи, Ты знаешь, что я хочу быть с Тобой, но я не могу освободиться от греховного окружения, я погряз в грехах! Помоги мне, Господи, приведи меня к Себе!..

Он опять зарыдал, затем поднялся и, смущаясь своих слез, вышел из комнаты.

Почему-то Господь медлил отзывать Любочку. Ее жизнь держалась на волоске, как говорят в народе, но этот волосок был в руке всемогущего Бога.

— Братья, помолитесь еще раз, чтобы Господь подарил мне исцеление,— вдруг попросила Любочка.

Служители переглянулись.

— Нет, не о полном выздоровлении,— добавила она.— Я ничего не хочу просить против воли Божьей. Но в следующее воскресенье мне исполнится пятнадцать лет, и так хочется еще раз побыть на собрании, посмотреть на братьев и сестер, послушать Слово Божье и пение хора... Помолитесь, братья, я верю, что Господь услышит вас...

Служители совершили молитву и передали эту просьбу всей церкви.

Регентские курсы заканчивались двенадцатого августа. По предложению регента местной церкви курсанты разучили новую музыкальную композицию на 19 Псалом Давида. Они пожелали всем хором посетить Любочку и на прощание спеть ей этот псалом. К тому времени Любочке стало легче, температура, на удивление, спала. Бог слышал молитвы церкви.

Хористы не могли уместиться в доме и решили спеть несколько гимнов у открытых окон.

Это была величественная хвала Господу. Любочка была в восторге. Соседи тоже изумлялись.

— Да услышит тебя Господь,— начала петь группа мужских голосов, разделяясь на три партии.

Как эхо, им ответил трехголосный женский хор:

— В день печали.

— Да пошлет тебе помощь из святилища,— переплетаясь в полифонических оборотах, запел весь хор и, слившись в мощный, потрясающий душу аккорд, на фортиссимо закончил вступительную часть псалма:

— И с Сиона да подкрепит тебя!

— Господи, где я? — в восторге шептала Любочка.— Неужели я все еще на земле? Такое пение!

По ее просьбе хор исполнил еще несколько гимнов, а в заключение для собравшихся соседей спели гимн «Иисус, мой небесный Спаситель» на текст 53 главы книги пророка Исаии.

Душа Любочки пела вместе с хором, и когда после сопрано зазвучало альтовое соло, она встрепенулась...

Глава семнадцатая

Вечернее богослужение пятнадцатого августа проводила молодежь. Было много гостей. Для Любочки приготовили кровать в комнате, где жили хозяева молитвенного дома. Оттуда, через открытую дверь, можно было видеть кафедру и часть хора. Перед началом служения в дверях появился Михаил с Любочкой на руках. Мгновенно воцарилась тишина, в которой предельно тихо, но внятно прозвучал голос Любочки:

— Приветствую вас, дорогая Церковь Иисуса Христа!

По просьбе дочери Михаил пригласил на собрание некоторых ее одноклассников и соседей.

Богослужение началось пением молитвенного гимна «Отче, услышь нас, мы зовем из праха!» Проповедовали только молодые братья. Каждая проповедь заканчивалась призывом посвятить свою жизнь Иисусу Христу.

Как долго Любочка ждала этого общения! Дни перед воскресеньем казались ей такими длинными... И вот служение подходит к концу.

«Так бы и отойти в вечность под звуки чудесных песнопений! — думала она.— Но здесь есть души, еще не принявшие Христа. Какие они несчастные! Как страшно умирать без Бога! Господи, какая я счастливая, что примирилась с Тобой!» Любочка стала мысленно молиться за находящихся на собрании грешников.

После пения гимна «Что ты медлишь на грешном пути?» проповедник пригласил к кафедре тех, кто хотел бы покаяться. Никто не отозвался на этот призыв.

Воцарилась тишина. И вдруг послышался тихий голос:

— Господи, благодарю Тебя, что Ты нашел меня в этом мире, простил мои грехи и открылся мне в Своей красоте! Моя жизнь скоро оборвется, и я так благодарна Тебе за все, за все! Слава Тебе за то, что Ты был, есть и будешь вечно! Господи, Ты исполнил мое самое сокровенное желание, позволил последний раз побыть в общении со святыми!..

Благоговейный трепет прошел по залу. Последний раз Любочка молилась среди своих любимых друзей. Потом она

стала молиться за грешников, которых дьявол обманывает прелестями этой жизни, не допуская ко Христу.

— Господи! — взывала она.— Скажи им, что каждый из них, как и я, может оказаться на смертном одре, а как страшно умирать, не примирившись с Тобой! Постучи еще раз в их холодные сердца, чтобы они раскаялись и приняли спасение!..

Любочка еще молилась, когда к кафедре подошла девушка. Взглянув через раскрытую дверь на Любочку, она упала на колени и, перебивая тихую молитву, зарыдала:

— Господи, прости меня! Какое я ничтожество, какая я ужасная грешница! Не отвергни меня, Боже! Мои грязные руки, мое грязное сердце очисти Своей святой Кровью, которая текла за меня из Твоих ран! Прости меня, Боже!..

В этот вечер четырнадцать душ получили прощение грехов у ног Иисуса Христа. Многим стало ясно, для чего Господь продлил жизнь Любочке.

После собрания всем хотелось приветствовать Любочку, но силы оставили ее, хотя на лице сияла блаженная улыбка. Теряющую сознание дочь Михаил отвез домой. Придя в себя, она улыбнулась и прошептала:

— Все говорят, что умирать страшно, а мне так хорошо!

Бог продлил жизнь Любочки еще на несколько дней, в течение которых новое горе постигло их семью: внезапно умер дедушка Родин. Очевидно, он только внешне хранил спокойствие, а в душе сильно переживал за свою любимицу.

Любочка, конечно, не смогла проводить дедушку в последний путь. Она не протестовала, что ее не берут на похороны, и попросила мать попрощаться с ним от ее имени и сказать: «Милый дедушка, до скорой встречи!»

Убитая горем Надежда сильно постарела. Она понимала, что нужно готовиться еще к одним похоронам. «Боже, почему на мою долю выпало столько тяжелых испытаний?» — не раз спрашивала она, и Господь ответил ей через прочитанный на молитвенном собрании стих: «Человек рождается на страдание, как искры, чтобы устремляться вверх».

Поистине, только страдания способны оторвать взор человека от земли и направить к небу.

Глава восемнадцатая

Пасмурное воскресное утро. Со всех сторон в дом Елисейченко собирается народ. Любочка отошла в вечность. Это известие не было неожиданным, к похоронам давно готовились.

Траурное служение проходило на улице. Во дворе и за воротами было много людей. Пришли не только братья и сестры по вере, но и одноклассники, и соседи, и учителя.

После первой проповеди Вера и Надя Любимовы спели два гимна: «Господи, к Тебе я поднимаю взор» и «Край чудесный нас ждет там, на небе». Некоторые недоумевали, зачем петь на похоронах молодежный псалом «Край чудесный», но Михаил пояснил, что это был один из самых любимых гимнов Любочки, с этими словами она отошла в вечность.

По просьбе собравшихся Михаил рассказал о последних минутах жизни Любочки.

В ночь с пятницы на субботу Надя и Вера, словно предчувствуя кончину подруги, остались у ее постели. Казалось, что она спала, и сестры уговорили родителей и бабушку пойти немного отдохнуть. Спустя некоторое время Любочка вдруг встрепенулась, открыла глаза и быстро проговорила:

— Надя, зови скорее папу с мамой, я буду умирать!

В одно мгновение все были на ногах. Припав к постели дочери, Михаил начал молиться, но она прошептала:

— Папа, дай я сначала помолюсь, а то не успею...

Тяжело дыша, Любочка начала молиться:

— Иисус, возьми меня!.. Край чудесный, жди меня!..

Больше Михаил не смог разобрать ее слов. Закрыв лицо руками, он снова стал молиться. А когда он закончил молитву, душа Любочки была уже в чудесном краю...

Господь исполнил заветное желание Любочки: похороны были в воскресенье, и многие друзья смогли проводить ее в последний путь.

Похоронная процессия выстроилась почти во всю улицу. Впереди шли дети с живыми цветами и поочередно бросали на землю по одному цветку. Потом двое юношей несли большой портрет умершей, а за ними несли венки и крышку гроба.

Сменяя друг друга, братья до самого кладбища несли на руках белоснежный гроб с телом Любочки. За гробом шли родственники, затем — христианский духовой оркестр и хористы из многих церквей. За хористами шло множество людей, верующих и неверующих, желающих проводить Любочку в последний путь или просто посмотреть на необычные похороны.

У молитвенного дома процессия остановилась. Оркестр проиграл, а хор спел гимн «Что ты медлишь на грешном пути?» Затем диакон церкви сказал призывную проповедь. Представители власти пытались прервать его, напоминая, что проповедовать на улице во время похорон не разрешается, но он свидетельствовал об Иисусе Христе, закончив речь такими словами:

— Это не обычные похороны, а триумфальное шествие невесты Иисуса Христа к своему Небесному Жениху!

Эпилог

Первый раз молодежь встречала Новый год без Любочки. В проповедях снова и снова звучал призыв бодрствовать и молиться, чтобы устоять в гонениях и остаться верными Господу. По всей стране христиане страдали, терпели насмешки, издевательства и всевозможные лишения, но все же оставались бодрыми, живыми, уповающими на милость Божью.

Было уже за полночь, когда кто-то постучал в закрытые ставни. Пришел Михаил Елисейченко с младшей дочерью. Он поздравил всех с Новым годом и, оставив на память стих из Священного Писания, сказал, что пришел с поручением. Все в ожидании притихли. Волнуясь, Михаил достал из сумки магнитофон. На его глазах блеснули слезы.

— Милые друзья,— обратился он к присутствующим,— Любочка поручила мне передать вам горячий христианский привет...

Михаил включил магнитофон. После нескольких гитарных аккордов послышался незабываемый голос Любочки Елисейченко. Она пела гимн, который не смогла допеть с регентом: «Я цвет жизни своей посвящаю Тебе». Оказывается, когда друзья ушли, Любочка решила все же спеть гимн посвящения и передать кассету молодежи.

Лет немного прошло, как я Богу служу,
Но хочу навсегда я отдаться Ему...

Как далекое эхо звучал угасающий голос, напоминая погрустневшей молодежи о том, как это высоко и славно — принадлежать Иисусу Христу, любить Его всем сердцем и жить для Него.

Нет, не умирают песни чистых, любящих Господа сердец. Эти последние печальные гимны земных скитаний будут начальными светлыми аккордами могучего гимна радости в славное утро первого воскресения.

Тихо и нежно зазвучала семиструнная гитара в руках Михаила, наполняя дом трепетными звуками минора. Последнее арпеджио повисло в воздухе, как бы побуждая живых продолжить пение гимнов, недопетых Любочкой.

Словно повинуясь этому зову, зазвучал бархатный детский голосок, в тембристых переливах которого тонкий слух мог уловить что-то бесконечно дорогое и знакомое. Пела маленькая сестричка Любочки — Лиля Елисейченко.

Храни, Господи, народ Твой! Храни молодой виноградник, который насадила десница Твоя!